

КЕВИН АЛАН МИЛН

Шаги НАВСТРЕЧУ

*Счастье мимолетно,
не упустит его!*

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Кевин Милн
Шаги навстречу

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Милн К. А.

Шаги навстречу / К. А. Милн — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

Жизнь семнадцатилетней Энн может оборваться в любой момент. Ее диагноз звучит как приговор. Единственная надежда на спасение – пересадка сердца. Энн требуется покой, ведь каждый день может стать для нее последним. Однако отношения в семье накалены до предела: постоянные ссоры, скандалы... Кажется, уже ничего нельзя исправить, но однажды простая игра меняет все...

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© Милн К. А., 2014
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2014

Содержание

Кевин Алан Милн	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кевин Алан Милн Шаги навстречу

© Kevin Alan Milne, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

* * *

В память о Зои

Половина сердца... исполнена любви.

Сокровище всегда там, где твое сердце.

Пролог Энн

Девять паршивых минут. Именно столько требуется врачу, чтобы сообщить плохие новости. Кто-то подумает, что на это может уйти весь день, учитывая всю торжественность момента и вытекающие отсюда последствия, а возможно, и соболезнования касательно того, что ждет впереди. Нет, врач предельно деловит.

Ну что ж. Нельзя сказать, что сообщение стало для меня неожиданностью: мне прекрасно известно, как могут развиваться события – именно такого исхода я всячески надеялась избежать.

Доктор вкратце обрисовывает нам детали, и мама тут же с рыданиями выбегает из палаты. Возвращается она через полчаса, протягивает новенький ежедневник.

Дневник?

Я-то думала шоколадку или новое платье, чтобы как-то меня взбодрить. Но нет, она приносит ежедневник и ручку. Говорит: что бы ни произошло – плохое или хорошее, – она хочет, чтобы следующие несколько месяцев запомнились мне навсегда.

– Пусть это станет твоими воспоминаниями, – советует она. – Запечатлей на бумаге красоту каждого нового дня. Нарисуй картину словами.

Хм... Ладно. Настоящая художница в нашей семье – моя младшая сестра Бри, но с учетом обстоятельств я понимаю, почему мама захотела, чтобы я выплеснула свои мысли и чувства на бумаге.

Для потомков... если только у меня они будут.

Когда мама протягивает мне ежедневник, в палате помимо нас находится еще и медсестра – она согласна с мамой: больным в моем положении полезно записывать то, что они пережили (или что переживают сейчас), это помогает им бороться с возможными осложнениями. Она говорит, что у психологов это называется «экспрессивная психотерапия».

Отлично... теперь я еще сама себе психотерапевт.

Чтобы убедиться, что делаю все правильно, я уточняю у медсестры, как мне начать: с сегодняшнего дня или вернуться к прошлому? Она предлагает описывать с того момента, когда все началось, – чтобы во всем разобраться и разложить по полочкам.

Это просто... все началось с бабочек.

Вообще-то эти бабочки появлялись и исчезали и до этого, вернее, это было что-то вроде бабочек, если вы понимаете, о чем я. Они просто появлялись и исчезали. Потом, когда мне исполнилось пятнадцать, с ними начали происходить метаморфозы – бабочки стали больше, заметнее. Хотя я ничего против них не имела. Они побуждали меня действовать. Заставляли сосредоточиться. Подталкивали к новым достижениям.

Каждый раз в бассейне, ступая на стартовую тумбу, я чувствовала в животе трепет бабочек. Иногда они даже поднимались выше, к груди, а потом опускались вниз по рукам.

Тренер советовал не обращать внимания на нервозность, однако я ждала этого возбуждения, любила его – потому что всегда плыла быстрее, когда боялась.

Год назад, перейдя в старшую школу, я знала, что я самая быстрая девочка в команде, хотя выкладывалась лишь процентов на семьдесят пять, полагая, что «равнодушная толпа» будет любить меня больше, если я не всегда буду выигрывать. Видимо, я опасалась бабочек, а не использовала их в качестве преимущества над соперницами.

Как бы там ни было, в девятом классе моя стратегия потерпела поражение, поэтому в десятом я стала действовать по-другому: «Победа любой ценой! И не оглядываться назад!»

Друзей у меня было не больше, чем в то время, когда я намеренно проигрывала, но, по крайней мере, меня стали уважать. *Я так думаю.*

В тот день, когда все изменилось, проходил чемпионат штата Орегон по плаванию. Я была заявлена на шести дистанциях. Пять из них я уже выиграла, установив три личных рекорда и один новый рекорд штата.

Бабочки просто взбесились!

Когда я взобралась на тумбу для последнего заплыва, стоящая рядом со мной соперница как раз встряхивала руками и ногами, чтобы снять напряжение. Ее звали Бьянка, она училась в той же школе, что и я. В финальном заплыве на четыреста метров вольным стилем от нашей школы участвовали только она и я.

– Удачи, Энн, – пожелала она, чем несказанно удивила.

Я случайно узнала, что Бьянка всей душой меня ненавидит. Она старше меня и не позволит себе проиграть такой «малышке», как я. Она и имя-то мое знала только потому, что оно постоянно значилось перед ее именем в таблице лидеров.

– Спасибо. Тебе тоже.

Она засмеялась и сказала, что пошутила. Потом прошептала так, чтобы услышала только я:

– Надеюсь, что ты утонешь.

Бабочки у меня в животе затрепетали еще неистовее. Я сосредоточилась на них, а не на подлой девчонке слева от меня. Пусть эти пару минут ненавидит меня столько, сколько ей хочется, но последней на чемпионате штата буду смеяться я. Встряхнув руками, я надела очки и глубоко вздохнула.

И тут же в громкоговоритель объявили:

– Участники, на старт.

Шапочка на месте? На месте. Мышцы напряжены? Напряжены. Бабочки трепещут? Трепещут. Все системы готовы.

Свисток... и я стартовала!

В воде все кажется идеальным. Это моя стихия – смотреть на дно бассейна, быть выше критики тех, кто не может меня догнать. Когда я после первого нырка возникаю на поверхности, я уже впереди. Несколько мощных гребков – и отрыв увеличивается. Заплыв проходит быстро, но я быстрее. Вынырнув после второго разворота, я оглядываюсь и вижу, что почти на корпус оторвалась от ближайшей преследовательницы. Я тут же поняла, что могу при тормозить и все равно с легкостью получу победу, но это не по мне. Я боец. Минувшие годы я сдерживалась – но теперь этому конец. Я оттолкнулась сильнее. Из всех сил ударила по воде: победа – это хорошо, но новый рекорд – еще лучше. На отметке двести метров рекорд точно был!

Если бы я внимательно прислушалась между вдохами, то расслышала бы аплодисменты и приветственные крики. Среди зрителей у меня друзей нет (родных я не считаю), но я сделала вид, что каждый сидящий на трибуне бассейна радовался за меня.

На бабочек в животе за минувшие сто метров, по большому счету, я внимания не обращала, но, когда пересекала отметку в триста метров, они начали по-настоящему возбужденно гудеть. Даже затрепетали крыльями у меня в груди. А потом неожиданно, впервые за все время, одна из моих послушных бабочек укусила меня! И больно укусила!

Именно это и стало началом моего кошмара – тем самым поворотным моментом, который изменил все.

После того как бабочка укусила меня в грудь, мир превратился в хаос.

Движение рук замедлилось. Я стала барахтаться, молотить руками по воде. Тонуть, а не плыть.

Я втянула носом воду, пытаюсь глотнуть воздуха, но боль была настолько сильной, что я запаниковала.

Дно бассейна сейчас было четче, чем когда-либо, и все приближалось.

Погружение в тот день было намного глубже, чем когда-либо раньше.

И темнее.

«Черт! – думала я в последние смазанные секунды, перед тем как темнота поглотила меня. – Пожелание Бьянки сбылось! Я тону!»

Господи, пожалуйста, не дай ей выиграть...

Лети домой, маленькая бабочка, лети домой.

Глава 1

Делл

Четыреста семьдесят дней назад прямо у меня на глазах умирала моя старшая дочь. Наступила клиническая смерть. Когда ее безвольное тело вытащили из бассейна, оно походило на одну из тряпичных кукол, которую Энн в детстве укладывала себе в кровать. Согласно гигантскому таймеру на центральной стене бассейна, спасателям понадобилось целых восемьдесят девять секунд, чтобы вернуть ее к жизни.

Это были самые длинные восемьдесят девять секунд в истории Вселенной; с каждым тиканьем часов я чувствовал, как постарел еще на целый год. Для сравнения: четыреста семьдесят дней, прошедшие с тех пор, пролетели как мгновение. Честно признаться, даже не знаю, зачем стал отсчитывать пройденное время. Наверное, потому что не хотел забывать, сколько именно дней нам даровано быть рядом с ней.

Или, может быть, с тех самых пор я затаил дыхание и отсчитываю дни, пока не разразится следующая непредвиденная беда.

Помню, как хотел закрыть рукой глаза сыну, когда врачи начали давить Энн на грудь, но моим самым первым желанием было поспешить к дочери. Однако я оказался беспомощным. Бессильным. Способным только смотреть и плакать, когда врачи спасали ее. А потом изо рта у нее полилась вода, она закашлялась и прерывисто вздохнула.

И уже через несколько минут мы с ней мчались в машине «скорой помощи», я держал ее за руку и молился Господу: хотя бы с ней не случилось ничего серьезного.

Когда же наконец нам удалось побеседовать с врачами, я поняла, что мои мольбы оказались безответными. Все оказалось не просто серьезным – хуже и быть не могло.

– Врожденная кардиомиопатия, – объяснил кардиолог. – С этим пороком она живет всю жизнь. Скорее всего, из-за напряжения во время заплыва у нее случился приступ – в результате остановка сердца. Ей повезло, что она осталась жива.

– Каковы ее шансы на выздоровление? – спросил я.

– Если честно, значительные.

Если честно? Ненавижу слово «честно», потому что происходящее редко оказывается честным.

Как говорил мой дед, «жизнь полна чудес... но справедливость не входит в их число». То, что моя пятнадцатилетняя дочь оказалась в больнице, – еще одно, самое последнее доказательство правдивости этого высказывания. Жизнь слишком непредсказуема, поэтому несправедлива. У одних что-то отбирает, другим дает, безо всяких причин и предупреждений. Когда вздумается. И не надо мне говорить, что у моей дочери, «если честно», значительные шансы, ведь я точно знаю, что это не так.

И как будто в подтверждение правоты моих слов, Энн последние четыреста семьдесят дней не вылезает из больниц: постоянно какие-то процедуры, специальные терапии, диагностические осмотры и бесконечная сдача анализов. Однако все лекарства, операции на открытом сердце – все оказалось бесполезным. Так что о какой-либо справедливости говорить не приходится.

Жизнь полна чудес, но справедливость не входит в их число. Сказал это мне дед, но Энн, как никто другой, знает, насколько точны эти слова.

* * *

Половина десятого вечера, я сижу в машине у дома, пытаюсь собраться с мыслями. Понимаю, что Эмили, наверное, уже начала волноваться, но ничего поделать не могу. В обычный рабочий день я вернулся бы домой целых три часа назад, но, когда я уходил с работы, позвонила Эмили и сказала, чтобы я подъехал к ней в больницу: «Появились новости». От новостей хорошего ждать не приходится, и этот раз не стал исключением.

Мы с Эмили вышли из больницы почти полтора часа назад, решив, что нам необходимо поговорить с Бри и Кейдом, как только вернемся домой.

Она отправилась прямо домой.

Я сделал крюк.

Не собирался никуда ехать, но, когда свернул на Сансет-стрит и увидел запотевшие окна клуба Шервуда, так и потянуло заглянуть туда. Я не был в бассейне четыреста семьдесят дней, почему бы сейчас не вернуться. Однако внутрь я войти не стал. Достаточно заглянуть в окно. Там тренировалась команда пловцов – словно торпеды, они разрезали водную гладь дорожек. Энн тоже должна была бы быть здесь, впереди всех, но вместо этого она лежит в больнице, пытаюсь справиться с самой ужасной новостью, которую только себе можно представить.

В кармане звонил телефон, пока я стоял у окна. Эмили. Наверное, гадает, почему я так задержался. Трубку я не взял.

Я наблюдаю за пловцами до окончания тренировки, потом медленно шагаю назад к машине. Еще полчаса бесцельно катаюсь по городу, погрузившись в тяжелые раздумья, – столько всего навалилось. Я имею в виду болезнь Энн. Разумеется, она не виновата, но ее болезнь как обух по голове. Финансовые затраты огромны, но заботило не это – я готов влезть в любые долги, только бы мой ребенок выжил. Наши отношения с Эмили стали, мягко говоря, натянутыми, именно поэтому я и не спешил домой.

Создается впечатление, что между нами пролегла гигантская трещина, которую ни один из нас не хочет преодолеть. И с каждым новым днем пропасть становится все шире. Мы говорим о том, что следует заделать эту брешь, притворяемся, что предпринимаем попытки сократить это расстояние, но, получая все более удручающие новости о здоровье Энн, мы, похоже, еще больше отдаляемся друг от друга.

Я смотрю на часы. Без двадцати десять. Эмили только что выглянула в окно. Она знает, что я приехал, и нет смысла дальше оттягивать. Кроме того, дети имеют право узнать, что происходит, прежде чем лечь спать.

– Присаживайтесь, ребята, – с серьезным видом говорю я, вешая пальто в шкаф.

– И ты не привез Энн домой? – спрашивает Бри. – Я думала, она едет с тобой в машине.

Эмили хлопает носом, вытирает его:

– Не сегодня, Бризи.

Я встречаюсь взглядом с женой.

– Ты ничего им еще не говорила?

Она качает головой.

– А сейчас что с ней не так? – Кейду всего одиннадцать, он только-только перешел в пятый класс. Он обычно говорит то, что думает, поэтому я редко удивляюсь его прямоте.

– Присядьте, – вновь повторяю я.

Бри первой шлепается на диван. Она всего лишь на три с небольшим года младше Энн, но они такие разные. В тех случаях, когда Энн поступала как относительно взрослый человек, Бри зачастую вела себя как ребенок. Энн для своего возраста среднего роста, Бри всегда была сантиметров на пять выше сверстников. Энн любит длинные волосы, Бри пред-

почитает короткие. Энн – спокойная, а Бри... наоборот. Энн предпочитает все хорошенько обдумать, прежде чем принимать решения, в то время как Бри бросается в омут с головой, поддавшись мимолетному порыву, а потом разбирается с последствиями.

Нельзя сказать, что Кейд какую-то из сестер любит больше, но он точно знает, на кого в каких ситуациях может рассчитывать: если нужна поддержка – на Энн, если затеваешь какую-то шалость – Бри охотно примет в ней участие. У Энн хорошо развит инстинкт насадки, так что Кейду даже не нужно было звать на помощь. Помню, как однажды, когда он еще ходил в садик, а мы с Эмили были на работе, Кейд спрыгнул со второго этажа нашего дома с мусорным пакетом вместо парашюта. Кто как раз вовремя прибежал к заднему ходу, чтобы подхватить его? Энн. А кто вступился за него, когда он в первом классе ввязался в драку с четвероклассником Риком Кирпичом? Энн. И позже в том же году, когда Кейд решил, что весело было бы поиграть с машинкой на оживленной дороге у нашего дома, кто оттащил его за шиворот в безопасное место, едва не попав под колеса автофургона? Кто же еще, как не Энн?

На помощь всегда приходит Энн, а безрассудные идеи, которые чреватые для Кейда всякими неприятностями, почти всегда принадлежат Бри.

– Делл, ты как себя чувствуешь?

Вопрос Эмили дает мне понять, что я просто смотрю на Бри и Кейда, не произнося ни слова. Я киваю, мол, все хорошо, делаю глубокий вдох и, тщательно подбирая слова, объясняю, что врачи видят, что в обоих желудочках Энн все увеличивается фиброз – разрастание волокнистой ткани, а функции сердечной мышцы продолжают ухудшаться, что грозит остановкой сердца.

– Ее подержат до утра, чтобы сделать дополнительные анализы, – наконец мрачно прозвучало у я. – В основном потому, что опять возникло нарушение ритма.

– И что это означает? – спрашивает Бри. – Конкретно, простыми словами... чтобы даже до тупицы дошло.

– Да, – поддерживает Кейд, тыкая в сестру, – чтобы дошло и до меня, и до Тупицы.

Эмили качает головой, вздыхает, но потом слезы наворачиваются у нее на глаза, от чего они кажутся стеклянными, и она отвечает без утайки:

– Это значит, что ее сердце не лечится... и, вероятнее всего, никогда не вылечится. Ей необходима пересадка. И чем скорее, тем лучше.

Мы слишком часто обсуждаем с детьми эти вопросы, и они отлично знают, что пересадка – это очень сложно и опасно.

«Только в крайнем случае, – время от времени убеждали мы их, когда возникала эта тема. – Риск высок, а результат не всегда благоприятен».

На меня накатила волна ужаса, я подался вперед.

– Хочу, чтобы вы, ребята, знали: несмотря ни на что – все будет хорошо. В конечном итоге это наилучший выход для Энн, а значит, мы должны радоваться. Врачи постоянно делают пересадки, волноваться не о чем. – *Легко сказать... Надеюсь, что так оно и есть.* – Но это означает, что в ближайшие несколько месяцев понадобится и ваша помощь. Точнее сказать, от вас потребуются две вещи. – Я выдерживаю паузу, чтобы убедиться, что меня все слушают. – *Мир и спокойствие.* Через пару недель занятия в школе закончатся, и мы не можем допустить, чтобы вы скакали, как мартовские зайцы. Сейчас, как никогда, важно оградить Энн от стрессов, чтобы она спокойно дождалась операции. Ее сердце в буквальном смысле может не выдержать, если ей придется столкнуться с вашими... назовем их выходками.

Как ни ненавистно это признавать, но не мне говорить о мире и покое в семье. Или выходках, коль на то пошло. До того как у Энн начались проблемы со здоровьем, мне хотелось думать, что я вполне достойный муж и отец – спокойный, заботливый, со мной

не соскучишься и все такое. Но эти почти восемнадцать месяцев, когда мы находились в подвешенном состоянии неопределенности, имели свои негативные последствия. Бывает, я срываюсь на детей по пустякам, например когда кто-то случайно проливает на пол воду или забывает слить воду в туалете. Пару раз я слышал, как Эмили пыталась за меня вступиться, объясняла, что я очень устаю на работе, но нам обоим прекрасно известно, что меня гложут не только проблемы на работе. Эта пропасть, что пролегла между мной и Эмили, не дает мне покоя. И жене тоже. Иногда мне кажется, что наш мир сузился до одной Энн и в нем больше нет места друг для друга. Мы оказались эмоционально истощены. Мы продолжаем играть роль родителей, но почему-то забыли, что мы муж и жена. В результате отношения все ухудшаются, все чаще случаются срывы: крики, ссоры, недовольство, жалобы – то у одного, то у другого.

– Ладно, – решительно заявляет Кейд. – Мы будем поласковой. Ради Энн.

Эмили одобрительно кивает.

– Ей просто нужно отдохнуть и расслабиться – «остыть», как вы, подростки, говорите, – и немного подождать, пока врачи не подберут нужное сердце. И будем надеяться, что все наладится. – Она бросила на меня короткий взгляд, но тут же отвернулась.

Она имела в виду, что «наладится у Энн» или «наладится у всех нас»?

– А когда оно прибудет? – интересуется Бри.

Я только пожимаю плечами:

– Сложно сказать. Энн стоит на очереди на пересадку, поэтому остается только ждать. Может пройти месяц, пока не найдут подходящего донора, возможно, придется ждать дольше. Но врачи очень надеются, что это случится до конца лета. Если пару месяцев ей удастся избежать волнений, все будет хорошо. Но чем дольше ищут донора, тем больше риск... Нет, будем молиться, что донор найдется.

– И что нас ждем этим летом? – хнычет Бри. – Сидеть дома и ничего не делать, и все потому, что Энн ничего делать нельзя?

Бри не злая девочка, но сейчас у нее такой период в жизни, когда она знает, что Земля вращается, только еще не осознала, что это вращение не вокруг нее.

– Не совсем, – отвечаю я. – Тут возникла одна перспектива, и нам хотелось бы узнать ваше мнение. Как известно, здоровье вашей прабабушки ухудшилось. Сейчас она постоянно пребывает в доме престарелых, но необходимо, чтобы кто-то присматривал за ее домом на побережье. Нам предложили пожить там летом. Сегодня мы обсудили эту идею с Энн – она с радостью готова сменить обстановку. Беспроигрышный вариант: океан, вне всякого сомнения, подействует на Энн успокаивающе, мама все лето будет рядом с бабушкой, а в вашем распоряжении, ребята, будет огромный пляж, поэтому не придется целый день сидеть дома. Что скажете?

Для Кейда больше глупости не придумать.

– Ужас!

Реакция Бри, хоть и не такая бурная, но не менее предсказуемая:

– У-у... К-с-ти, а как же мои друзья? Вы на все лето увозите меня от них?

К-с-ти. Так витиевато Бри произносит «кстати». По все видимости, в восьмом классе так модно говорить. Я как-то пытался объяснить ей, что, если говорить «кстати», людям намного проще будет ее понять, но Бри лишь закатила глаза.

– Бризи, это все ради Энн, – добавляет Эмили.

– У нас все и всегда ради Энн, – стонет Бри.

– Когда мы вернемся, твои друзья никуда не денутся, Бри, – мимоходом замечаю я. – И кто знает, может быть, они смогут к нам летом приехать. Это не так уж далеко. Я буду мотаться туда-сюда – возможно, смогу привезти парочку твоих приятелей на выходные.

– Что значит «мотаться туда-сюда»? – удивляется Кейд. – Ты с нами не останешься?

Я тут же бросаю взгляд на Эмили, но она вновь отворачивается.

– Честно признаться, – задумчиво произношу я, – это второй момент, который мы хотели бы с вами обсудить. Понимаю, что не об этом мы мечтали, но я не смогу все время провести с вами. Я останусь на день-два, чтобы вас обустроить, но потом буду вынужден вернуться в Портленд. Сейчас у меня много работы, но на выходные я, как только смогу, буду к вам приезжать.

Ненавижу обманывать детей. На самом деле мы с Эмили договорились, что нам необходимо какое-то время пожить врозь. Честно признаться... это я так решил. Эмили просто не стала спорить.

Я опять смотрю на жену. Она вытирает пылинку, попавшую в глаз, потом заставляет себя устало улыбнуться и смело убеждает детей:

– Мы и сами справимся. Самое важное – чтобы Энн немного отдохнула. Она всегда любила океан.

– Вы что... разводитесь... да? Это со-8 уж ни в какие ворота!

«Со-8» («совосемь»), как я недавно узнал, – это «сленговое», подростковое «совсем». Тут она права: развод – это уж точно «со-8 ни в какие ворота». Наверное, поэтому о разводе речи и не заводим. Это всего лишь... возможность немного отдохнуть друг от друга.

Как ни печально, но за последний год вопрос о разводе уже не впервые встает в нашей семье. Обычно он возникает после одной из наших ссор, во время тех неловких моментов, когда мы друг с другом не разговариваем.

– Господи, нет, конечно! – восклицает Эмили. – Просто... с учетом обстоятельств... и давайте не забывать, что перемены всем пойдут на пользу. Поэтому пусть ситуация и не идеальная, но, по крайней мере, на выходных мы будем все вместе.

– Точно! – вторю я, стараясь, чтобы ради детей в голосе звучала уверенность. – На все выходные, когда я только смогу вырваться. – Я смотрю на Бри и спрашиваю: – А почему ты это спросила, милая?

Она пожимает плечами:

– Не знаю. Просто удостовериться.

Эмили подсаживается к Бри поближе, обнимает дочь:

– Бризи, год на самом деле был не из легких, и неприятности не могли не сказаться на нас с папой. Но мы очень сильно любим друг друга. Поэтому, кроме здоровья Энн, не стоит ни о чем тревожиться.

Бри кивает в знак понимания, но я не уверен, что она «купилась».

– Что ж, ладно. – Она на минуту задумывается, а потом продолжает: – Новый вопрос. А ничего, что Энн будет так далеко от дома, когда появится для нее сердце?

Я смотрю на Кейда, которому становится немного не по себе. Ему всегда непросто вот так мимоходом говорить о сердцах. За словами сестры скрывается откровенная правда, которую он в полной мере осознал лишь недавно: донорское сердце «появляется» только тогда, когда его хозяину оно больше не нужно. Несмотря на то что он настоящий одиннадцатилетний «мужик», ему явно не по себе от этой мысли.

– Врачи уверяют, что ничего страшного, – объясняю я. – У Энн постоянно находится пейджер. И если нам поступит сигнал... когда нам поступит сигнал – нам просто будет необходимо за пару часов добраться до больницы. Кэннон Бич от нас всего в 120 километрах, у нас есть даже запас времени. В большинстве случаев донору искусственно поддерживают жизнедеятельность, и до нашего приезда забор сердца производить не станут. В худшем случае, если возникнет необходимость, за Энн пришлют машину «скорой помощи». Но врачи уверяют, что польза от отдыха на побережье океана во много превышает риск того, что Энн будет находиться не так близко от больницы.

От меня не ускользает, как Кейд непроизвольно морщится, когда я говорю «забор», как будто мы рассуждаем о сборе овощей на огороде.

Повисает молчание, потом Эмили негромко произносит:

– Кейд, тебя что-то волнует? Рассказать не хочешь?

– Об Энн думаю. Иногда она действует мне на нервы и все такое, но... я все же надеюсь, что с ней все будет хорошо. – И тут же задает вопрос: – Мам, с ней же все будет хорошо, правда?

Глаза Эмили вновь наполняются слезами. Она на секунду опускает глаза, потом смотрит на сына.

– В жизни, Кейд, ничего гарантировать нельзя. Поэтому и я не могу ничего обещать. Ситуация не безнадежная, но и радужной ее тоже не назовешь. – Она замолкает, чтобы собраться с мыслями. – Энн понимает все возможные последствия и изо всех сил пытается справиться с трудностями. Скажу тебе одно: я не хочу потерять дочь. Приходится надеяться, что где-то ждет сердце, которым будет готов поделиться тот, кого призовет к себе Господь. Когда мы поедем на побережье, нам нужно будет всего лишь любить Энн и позволять ей наслаждаться этой любовью, окружить ее так необходимым ей покоем. Все остальное – в руках Всевышнего.

– Мам... – нерешительно произносит Кейд, как будто не зная, как озвучить свои чувства. – Надеюсь, что у Него крепкие руки!

Глава 2

Бри

Вся моя жизнь – солнечное затмение. Когда-нибудь наблюдали затмение? Когда Луна проходит между Землей и Солнцем, заслоняя весь восхитительный свет. Вот так и моя жизнь. Я – Солнце, а Энн – Луна, которая всегда меня заслоняет. Не то чтобы я не сочувствовала ей в нынешней ситуации, просто не могла дожидаться, когда придет мой черед светить.

Мама с папой уверяют, что у меня «синдром среднего ребенка». Как-то я посмотрела в словаре, что это означает, но не уверена, что страдаю именно этим синдромом. По-моему, у меня скорее синдром «недооцененного ребенка». Такого определения нет, я сама его придумала – именно так я себя иногда чувствую.

Но, думаю, я бы не удивилась, если бы у меня действительно обнаружился этот «синдром среднего ребенка». Я к тому, что все во мне так и вопит – «средняя»! Даже имя расположено посередине, и не случайно. Родители дали нам имена в алфавитном порядке – Энн, Бри и Кейд¹. Хотя в последнее время папа стал шутить, что в действительности назвал нас по оценкам, которые мы получаем в школе². Когда он сказал об этом, я смеялась, но оглядываясь назад, теперь не нахожу это таким уж смешным. Ладно. Надо радоваться, что меня не назвали Евой. И к-с-ти, папу зовут Делл – с большой жирной буквы «Д»³ – вот такая ирония судьбы.

Воскресенье, до вечера далеко, я просматриваю почту... с утюгом и острым столовым ножом.

– Ты что делаешь? – в дверях стоит Кейд, не сводя глаз с меня и инструментов в моих руках.

Так и знала, что нужно было запереться в ванной!

– Я все расскажу маме с папой! – вопит он, когда наконец-то складывает два и два. – Ты действуешь исподтишка!

– Я не исподтишка! Меня просто все достало. Но ты еще слишком мал, чтобы понять. – Я знаю, что он терпеть не может, когда его называют «маленьким» и «тупым», но иногда мне нравится его дразнить.

– Заткнись.

– А что такое? Это правда. Иногда, когда людям скучно, они совершают вещи, которые кажутся сделанными исподтишка, даже если это совершенно не так. Черт, если бы не скука, как и миллион дней подряд, я бы даже не потрудилась за почтой сходить. – Я замолкаю и улыбаюсь. – И все из-за тебя, Кейд. Нянить тебя – это такая скука! Ты сам меня к этому подтолкнул.

– Заткнись! – вновь заорал он. – Я уже не ребенок, а ты мне не нянька. – Он кивает на письмо в моей руке. – Открывай уже.

Письмо из школьного округа, адресованное родителям Энн Беннетт. Оно пришло по почте вместе с кучей медицинских счетов, оплату которых родители с радостью бы отсрочили, поскольку они уже и так просрочили платежи по предыдущим.

Я поддеваю ножом запечатанный край конверта и осторожно открываю его.

Потом читаю и скриплю зубами.

¹ Согласно английскому алфавиту: А, В, С – Ann, Bree, Cade. (Здесь и далее примеч. пер.)

² В американских школах принята буквенная система оценивания, где «А» – наивысший балл.

³ В системе оценивания «Д» – один из низших баллов.

– Должно быть, это шутка! Почему все внимание ей?

– Что там пишут?

Я откашливаюсь, чтобы прочитать самым надменным голосом, потому что именно так это письмо звучит в моей голове.

– Слушай: *«Уважаемые мистер и миссис Беннетт. Мы с радостью сообщаем вам, что Энн выбрали Студенткой года. Мы прекрасно отдаем себе отчет, что за минувший год она столкнулась с существенными трудностями, но это лишь преумножает значимость ее заслуг. Настоящим подвигом является то, что ей удалось в течение двух семестров получать отличные оценки, самостоятельно обучаясь дома. Мы верим, что ее успех – это отражение преданности образованию... Ля-ля-ля. Мы надеемся, что вы сможете присутствовать на банкете в конце года, где ее наградят... Ля-ля-ля».* – Я швыряю письмо на стол, чтобы дать Кейду понять, насколько я расстроена. – Где это видано? Прогнила вся система образования. Она даже в школу не ходила, а ее выбирают Студенткой года! Ты же знаешь, я тоже хорошо учусь. В основном. Черт побери, мне нужно медаль дать за то, что я постоянно ее терплю. Так ведь?

– Наверное.

– Так нечестно. Только потому, что она больна, ей все преподносят на блюдечке. Тьфу! Ненавижу ее.

– Правда?

– Да! – Но тут же осаждаю коней. – Может быть, ненавижу – это сильно сказано, но недолголюбиваю – это точно.

За что я должна любить сестру? Мне кажется, что я ее люблю, но где-то в глубине души. Разве этого не достаточно? Но за что я должна к ней хорошо относиться? Могу поклясться, что относилась бы к ней гораздо лучше, если бы ее проблемы со здоровьем не затеняли всех моих достижений!

Моя жизнь – солнечное затмение.

Я аккуратно складываю письмо, прячу назад в конверт и заклеиваю его. В глубине души я надеюсь, что она заметит, что письмо распечатывали, поэтому мне не придется делать вид, что я удивлена или обрадована, когда она сообщит радостную новость.

Через несколько часов из больницы возвращается Энн – в новых пушистых розовых фирменных тапочках. У моей лучшей подруги, которой повезло быть единственным ребенком в семье, точно такие же тапочки, только голубого цвета – моя мечта. Я не могу сдерживать стон, когда вижу подобные на ногах у Энн.

– Мам, я на прошлой неделе показывала тебе в магазине именно эти тапки! Я сказала, что это был бы хороший подарок, но я имела в виду не для Энн. – И тут же выплескиваю свое раздражение на объект родительской щедрости: – Невероятно! Всякий раз, когда ты едешь к врачу, возвращаешься домой с обновкой. А что получаю я? Бесконечную роль няньки – вот что! Со-8 ни в какие ворота! Я даже с подружками увидеться не могу, потому что постоянно торчу дома с Кейдом!

– Ой, прости, что я родилась с никудышным сердцем, – отвечает Энн, и щеки у нее пылают. – Возможно, тебе станет полегче, когда я умру.

– Девочки! – резко обрывает мама. – Довольно! И ты, Энн, не умрешь. Получишь новое сердце, поэтому не говори глупостей.

Папа несет рюкзак Энн, чтобы ей самой не приходилось поднимать тяжести. Ничего удивительного; ей даже пальцем шевелить не нужно. Папа поставил рюкзак на стол и сердито взглянул на меня:

– Забыла, о чем я просил вчера вечером, юная леди? Мир и спокойствие. Никаких ссор. Точка. Особенно с Энн.

Я театрально закатываю глаза. Самое интересное, что Энн тоже.

– Я живу не в безвоздушном пространстве, – говорит она. – Если Бри желает выплеснуть свои эмоции, я не возражаю. Лучше, если я буду знать, как она на самом деле ко мне относится.

– А я возражаю, – отвечает папа. – Семья может – и хочет – поддержать тебя в трудную минуту. Не так ли, Бри?

– Так, – бормочу я.

– Отлично. Ты ничего не хочешь сказать своей сестре?

Я-то не хочу, но в конце концов произношу:

– Прости, Энн. Я... это... мне нравятся твои тапочки. Может быть, когда-нибудь и у меня будут такие. Ну, если... если я сломаю себе шею или еще чего-нибудь.

Папа нетерпеливо указал на лестницу:

– В свою комнату. Немедленно. И сиди там, пока не придешь в себя.

– За что? – спрашиваю я, всплескивая руками, и бросаюсь в свою комнату. – Я же извинилась...

Глава 3

Энн

Не знаю, почему Бри так ревнует. Иногда мне так и хочется на нее накричать: «У тебя здоровое тело! Чего тебе еще надо?» Но здоровое тело – не единственное, что у нее есть. Она талантлива, у нее масса друзей, она чуткий и отзывчивый человек. Я могу продолжать и продолжать. И тем не менее она неожиданно вспыхнула из-за каких-то дурацких тапок, которые мама купила мне на распродаже, чтобы я хоть немного порадовалась после того, как узнала, что мне необходима пересадка сердца!

Неужели она не понимает, что я бомба с часовым механизмом, которая только и ждет, чтобы взорваться? Что я могу никогда не получить нового сердца? И даже если мне найдут подходящего донора, мой организм может его отторгнуть?

Я люблю Бри, но иногда она действует мне на нервы. Жаль, она не понимает, что это я должна ей завидовать. Ей нужны мои тапки, но мне хочется оказаться на ее месте. И все же я никогда не пожелала бы Бри своих проблем. Ее потенциал не должен пропасть впустую. Если вдруг она умрет от сердечного приступа, многим будет ее не хватать. Если это случится со мной, сомневаюсь, что кто-нибудь почувствует разницу.

* * *

Я сижу одна в гостиной, когда за спиной появляется Кейд и заглядывает мне через плечо:

– А что это?

Я поднимаю вверх предмет, чтобы он рассмотрел получше.

– Мой пейджер. Что-то вроде палочки-выручалочки. Я не должна расставаться с ним ни днем ни ночью, пока мне не найдут новое сердце.

– А почему просто не позвонить на сотовый?

– У пейджера лучше сигнал. До меня можно дозвониться всюду, даже если рядом не будет вышки сотовой связи.

Кейд зачарован пейджером, поэтому я позволяю ему его подержать. Он аккуратно берет его в ладони, словно птенца. Пейджер полностью черный, размером с ладонь, с одной стороны клипса для пояса, с другой – цифровой дисплей для текстовых сообщений.

– Клёво! – восхищается он.

– Откровенно говоря, ничего в этом клёвого нет.

Это сложно выразить словами, но я изо всех сил пытаюсь объяснить ему, что с тех пор, как мне его выдали, в животе у меня образовалась пустота. Я постоянно смотрю на пейджер, думаю о том, что он может начать вибрировать в любой момент, но, когда он молчит, это невероятно действует на нервы. Я ни на секунду не могу расслабиться, когда он рядом, но и без него я, наверное, спокойной оставаться бы не могла, потому что волновалась бы о пропавшем пейджере. Вот такая невезуха!

– Ты поэтому постоянно смотришь на него? – интересуется Кейд. – Надеешься, что он завибрирует.

– Нет. Я просто думаю, как... не бери в голову. Ты подумаешь, что я дура.

– Нет.

– Да. Подумаешь. Я знаю.

Кейд садится, расправляет плечи:

– Не подумай! Крест на сердце, или чтоб я сдох!

Его клятва больно ранит меня, я даже не пытаюсь скрыть свои чувства. Брат тут же извиняется, обещает больше никогда такого не говорить.

Я секунду обдумываю его слова, потом говорю, что извиняться не стоит, потому что сама тысячу раз давала подобные клятвы. И никогда не задумывалась, что они означают. Есть в них что-то нездоровое.

После короткого молчания я решаю ответить на его вопрос, чтобы сменить тему. Забираю пейджер и осторожно держу его на ладони.

– Я думала... он такой же, как я, – негромко признаюсь я. – Простой. Пассивный. Все, что он делает, – лежит и ждет, когда что-то случится.

Кейд кажется сбитым с толку.

– Это ты похожа на пейджер?

– Угу. Я видела, что врачи в больнице ходят с модными пейджерами – гладкими, полированными. А мне дали черный. Ничего стильного, скучота одна.

Я не пытаюсь быть слишком самокритичной... скорее отдающей себе отчет. Не секрет, что я предпочитаю избегать риска. Если не считать плавания, мне всегда было сложно справляться с вызовами судьбы. В этом смысле я совершенно не похожа на сестру – о ней не скажешь, что она ищет легких путей.

Неужели плохо, когда тебя считают надежной и предсказуемой? Или лучше быть как Бри – беззаботной и импульсивной?

Мне нравится быть такой, какая я есть, но иногда я задаюсь вопросом. Может, хоть раз, вместо того чтобы играть роль хозяйки праздника, было бы неплохо стать душой общества?

Кажется, Кейд удивился, что я назвала себя – и пейджер в придачу – скучными.

– Так поменяй его, – посоветовал он.

– Я не могу просто заявиться в больницу и попросить другой пейджер.

– Нет. Я имею в виду, измени этот. Покрась его или еще что-нибудь. Чтобы он не был таким скучным.

– А можно? – Признаюсь, я чувствую себя глупо, когда задаю этот вопрос своему братцу-простофиле, но вопрос этот скорее риторический.

– Ты у меня спрашиваешь? Мне всего одиннадцать. Но если это твой пейджер... – окончание мысли подхватил ветер. Наверное, Кейд надеялся, что она (эта мысль) упадет где-то на благодатную почву и пустит корни.

Так и происходит.

Несколько секунд я не свожу глаз с Кейда, потом смотрю на пейджер, потом опять на Кейда.

– Знаешь что? – наконец произношу я. – Поменяю я... пейджер. Будь здесь.

Без лишних слов встаю и выхожу из комнаты. Через несколько минут возвращаюсь с шестью или семью бутылочками лака для ногтей разных цветов. Кейд сидит без носков, поэтому тут же прячет под себя ноги – однажды я нарисовала ему ногти на ногах, чередуя розовый и фиолетовый цвета. Приятели до сих пор дразнят его из-за этого. Следующие двадцать минут я методично наношу лак, пока на черной поверхности пейджера не появляется разноцветный рисунок.

– А кого ты рисуешь? – спрашивает Кейд, когда на пейджере вырисовываются очертания лица, а по бокам и сзади – перламутровые пятна.

– Просто лицо, – отвечаю я. – Друга. Который будет смотреть на меня, пока я не получу новое сердце.

В итоге у моего перламутрового друга блестящие оранжевые волосы, лавандового цвета глаза, ярко-розовые губы и зубы цвета ванили. Последний штрих – рубиновое сердце в правом нижнем углу пейджера, где находилась бы грудь у нарисованного человечка.

– Наверное, я назову его Пейдж.

– Круто! – восхищается Кейд, когда я даю ему посмотреть поближе.

– Да, – отвечаю я, ощущая чувство гордости за свой поступок. Но тут меня пронзает страшное предположение. – Папа меня убьет.

– Нет. На минуту он рассердится. Но тебе все равно ничего не скажет. Ты в неприкосновенности, по крайней мере до того времени, пока тебе не сделают пересадку.

Кейд прав. Мне сходит с рук почти все, потому что папа с мамой никоим образом не хотят меня расстраивать. Это приятно, но я знаю, что иногда это невероятно злит Бри и Кейда, потому что им спуску никто не дает.

Я опускаю Пейдж и рассеянно отвечаю:

– Да... пока не сделают.

Я уже намереваюсь встать и отправиться в свою комнату, как меня останавливает приглушенный всхлип по ту сторону двери.

– Что это?

Кейд выглядит озабоченным.

– Кажется, они опять ссорятся, – шепчет он.

Через несколько секунд хлопает дверь, потом еще раз. И тут же в гостиную решительно входит отец, за ним следом мама. Он вне себя. Она плачет.

Он направился к гардеробной, схватил куртку. Она спешит ко входной двери, чтобы преградить ему путь.

Кажется, никто из них не замечает, что мы замерли на диване и наблюдаем за разворачивающейся драмой. Если бы у нас был попкорн, это бы походило на кино. И в сценарии было бы написано следующее:

Мама (*со слезами на глазах*). Я даже поговорить с тобой спокойно не могу. Ты постоянно злишься! Я всего лишь сказала, что было бы неплохо, если бы ты хоть немного помогал по дому.

Папа. Но как ты это сказала! Как будто постоянно обвиняешь меня в том, что я ничего не делаю! Ты же знаешь, как много я работаю ради семьи.

Мама (*слезы струятся по ее лицу, но она не торопится их вытирать*). Я не говорила, что ты не работаешь!

Папа. Но намекала на это.

Мама. Какая глупость! Я хотела бы, чтобы ты не приходил в бешенство от моих просьб о помощи. Я не могу все тянуть одна, Делл.

Папа. А я не могу терпеть, когда ты изводишь меня каждый раз, когда я присяду на пять секунд отдохнуть, только потому что именно в эту минуту тебе что-то нужно сделать.

Мама. Если бы я тебя ни просила, никогда ничего бы и не делалось. Или мне пришлось бы делать это самой – обычно так и происходит.

Папа (*надевая куртку и громко, тяжело дыша*). Ты долго будешь путаться под ногами? Видеть сейчас тебя не могу.

Мама (*с сарказмом в голосе*). Вот именно. И когда мы поедем на побережье океана, ты не хочешь составить мне компанию, разве что (*она понижает голос, чтобы передразнить его*) на «всех выходных, на которые я только смогу вырваться». Признай же, что ты мог бы остаться и подольше, если бы захотел.

Папа. Вот, значит, к чему все эти разговоры... Ты затеяла со мной ссору из-за того, что я лыжи наострил, потому что злишься на меня из-за дома на побережье?

Мама. Нет, но ты слишком эгоистично распоряжаешься своим временем. Это и твоя дочь, Делл. И ты должен быть рядом не только время от времени по выходным.

Папа. Вот как?! Это я эгоист? Seriously? Неужели ты действительно думала, что я смогу все лето провести на побережье? Эмили, у меня работа. Разве в желании остаться

на выгодной работе есть что-то эгоистичное? Моя работа – и причитающаяся по ней страховка – единственное, что позволяет нам держаться на плаву.

Мама (*шепотом*). Ты же не хочешь приезжать. Признайся...

Папа (*сокрушенно качает головой*). Мне нужно ненадолго выйти. Поговорим об этом позже.

Мама (*на глаза наворачиваются новые слезы*). Ты куда?

Папа (*смотрит на нас, потом на маму*). Гулять.

Ненавижу, когда они ссорятся. Жаль, что я не могу встать и выбежать за дверь, чтобы не видеть, как разваливается их брак. Но на месте меня держит сильнейший из страхов.

Страх неизвестности.

Страх неизвестности того, что ждет нашу семью в будущем.

Глава 4 Эмили

Туннель. Так Энн описывала свое предсмертное состояние – как будто летишь вниз по очень темному туннелю, а света в конце не видно. Она уверяла, что понимала, что происходит – что она умирает, – и пыталась разглядеть свет в другом конце туннеля. В конце концов забрезжил серебристый огонек. И тут же она почувствовала абсолютный покой и поняла, что все будет очень хорошо. А потом, без предупреждения, ее рвануло назад в мучительную пасть жизни, где было много света, но и почти столько же боли.

Больше она об этом не заговаривала, но я постоянно думаю о «туннеле». Может быть, потому, что именно сейчас, в худшие дни моей жизни, я сама нахожусь в похожем туннеле и ищу выход. Вокруг меня так часто сгущается темнота, рожденная из беспокойства, страха и разочарования всем, что есть в моей жизни, что, кажется, исход печален. Все, что мне нужно, – тоненький лучик света в конце, чтобы знать: все будет хорошо.

Что я наделала?

После ухода Делла я целую минуту стою, прислонившись к двери, опустив глаза и не говоря ни слова. Я знаю, что на меня смотрят дети – Энн с Кейдом сидят на диване, а Бри стоит вверху на лестнице, – но не могу заставить себя посмотреть на них. Должно быть, они очень расстроились.

Разве в семье любовь не главное? Неужели мы друг друга не любим? Тогда почему так тяжело? Почему я так устала? Почему мне грустно? Одиноко? Почему я убита горем?

И чувствую себя виноватой.

Делаю глубокий вдох, чувствую, как расширяется грудь, потом сжимается. Воздух рождает в моей душе крошечный лучик надежды, что когда-нибудь каким-то чудом все останется в прошлом.

Мы справимся. Обязаны справиться.

Наконец я расправляю плечи и поднимаю взгляд на детей.

– Простите, ребята. – Голос мой еще дрожит. – Особенно ты, Энн. Но, пожалуйста, не волнуйтесь о нас с папой. Это простое недопонимание.

– Конечно, мама. – Сложно сказать, то ли Энн соглашается со мной, то ли с сарказмом выражает свои сомнения относительно моих слов. Не важно.

Я вздергиваю подбородок и объявляю:

– Утро вечера мудренее. – Затем нарочито медленно направляюсь в сторону своей комнаты. Проходя мимо дивана, одними губами произношу: – Надеюсь.

В спальне тепло, но сама постель холодна. И остыла она не сегодня. Канули в лету те времена, когда мы целовали друг друга на ночь и желали спокойной ночи, а потом засыпали, как одно целое, обнявшись, обмениваясь друг с другом теплом тел. Теперь мы молча выключаем свет, тут же разворачиваемся к своему одинокому краю матраса и лежим без сна – ни один из нас даже пальцем ноги не решается нарушить невидимую границу посередине. Мы больше похожи на боксеров, каждый из которых в своем углу ринга ждет удара гонга, чтобы начать бой, чем на любящих людей, ждущих хотя бы намека на нежность. Я знаю: если бы он захотел, мог бы дотянуться до меня, а я до него, – но в последнее время никто из нас подобного желания не выказывает.

Сегодня я, насколько достаёт, протягиваю руку через холодную постель, надеясь коснуться его плеча... но я знаю, что это обман. Если бы он лежал рядом, я не была бы такой

дерзкой. Лежала бы на своей половине кровати, одна, в ожидании, что он захочет меня... но этого бы так и не случилось.

Уже почти час ночи, а Делл так и не вернулся домой.

Когда он уходит, я не могу спать. Я волнуюсь за него. Хочу, чтобы он был рядом, даже когда мы ссоримся.

Ссора во сто крат лучше безразличия!

А преодолевать непохожесть... во сто крат лучше, чем ссориться.

Жаль, я не знаю, что сказать или сделать, чтобы мы выбрались из этой колеи.

Жаль, я не знаю, как дать ему понять, что мы не сломались, а просто прогнулись.

Как бы мне хотелось, чтобы он вернулся домой, вошел в спальню, крепко обнял и просто... любил меня. Как раньше. Клянусь, я бы извинилась! И ответила бы ему.

В четверть второго я слышу, как открывается входная дверь, потом закрывается. Шаги по коридору. Затихают у дверей нашей спальни. Открывается дверь, входит тень Делла.

Тень подходит к его половине кровати, раздевается в темноте, ныряет под одеяло.

– Не спишь? – шепчет он.

– Нет.

– Прости за вечер.

– Ты тоже.

Повисает продолжительное молчание.

– Значит... у нас все хорошо?

Разве?

– Наверное.

Очередное молчание.

– Спокойной ночи, Эмили.

– Спокойной ночи.

Вот и все. Ни поцелуя. Ни объятий.

Постель осталась холодной...

Глава 5

Кейд

Когда я прихожу в школу, у парадного входа стоит директор.

– Эй, дружище! – восклицает он. – Неужели за повязкой на глазу скрывается сам господин Беннетт?

– В точку, господин директор.

Директор Смитти – хороший парень. Мне будет не хватать его в следующем году, когда я перейду в среднюю школу. Он инициатор «тематических дней» как веселого способа «попрощаться с очередным школьным годом», как он любит приговаривать. Поэтому каждый день в течение последней учебной недели имеет свою тематику. В понедельник, например, день «Смастери себе шляпу». Чтобы доказать, что круче всех, я надел гигантское сомбреро из картона и обрезков линолеума, которые нашел в подвале; плюс клейкая лента для герметизации трубопроводов и ярко-голубой клей с блестками, который я обнаружил в коробке с маминым рукодельем. Веселее всего было то, что шляпа торчала в стороны на полметра от моей головы и задевала находящихся рядом, когда я поворачивался. Во вторник, в «Пижамный день», я стащил у Бри одну из розовых ночных рубашек и надел ее поверх футболки и шортов. Не успел я миновать кабинет заместителя директора, как старый пердун с кривыми зубами отвел меня в сторону и заставил снять рубашку. Хуже того, он заставил меня позвонить маме (уже раз в десятый за год), чтобы она не забыла, какого «неординарного» сына воспитывает.

В среду и четверг были соответственно дни «Хождения задом наперед» и «Непарных носков», но в знак протеста против санкций «Пижамного дня» я решил участия в них не принимать. Однако сегодня – в последний школьный день – мой протест закончен. Как же я могу не участвовать в дне «Говори как пират»?

Это самый лучший день в году! И я как рыба в воде! Не прилагая особых усилий, мне удалось остаться в образе до окончания уроков. Когда же наконец прозвенел последний звонок, я так развеселился, что решил проверить, как долго я смогу говорить по-пиратски у нас дома.

– Стой, женщина! – дерзко обращаюсь я к маме, входя в дом после того, как приехал на школьном автобусе. – Все лето я буду торчать на берегу. У тебя найдется что-нибудь пожрать?

– Эгей, кэп Кейди, – смеется она. – Добро пожаловать домой. Как прошел последний день?

– Сносно... да, сносно. А нет ли у нас печенья или еще чего пожевать? Я чертовски голоден.

– Прости, приятель. Не сегодня. Твой отец уже едет домой с сюрпризом, мне нужно подготовиться. – Она оборачивается, чтобы уйти, но на полпути останавливается. – Я кое о чем вспомнила. Мне нужно, чтобы ты отыскал спальный мешок и еще одну подушку. Я знаю, что сегодня ты будешь рад уступить свое спальное место.

– Кто-то будет спать на моей койке?

– Так точно, господин капитан. Сегодня у нас на борту «заяц». – Она подмигивает мне и спешит в свою комнату.

Что это, черт побери, означает? Какой такой «заяц»? В моей койке?

– Че-е-р-р-рт, – ворчу я, спускаясь в гостиную на первый этаж.

Бри еще не вернулась из школы, но Энн, как и обычно в последнее время, сидит на диване перед телевизором.

– Привет, Кейд, – приветствует она, когда я прохожу мимо. – Как прошел день?
Я останавливаюсь и окидываю ее подозрительным взглядом, как поступил бы любой уважающий себя пират.

– Норм!

– Что?

– Я сказал «норм». Сегодня день «Говори как пират».

– А-а-а. А разве ты все еще в школе?

Изображая Черную Бороду, я рычу:

– Это будет длиться столько, сколько я захочу!

– Как знаешь. – Она отворачивается к экрану, где идет ее дневной сериал.

Когда я через минуту выхожу из кладовки и швыряю мой любимый спальный мешок рядом с ней на диван, она лишь на секунду отрывается от телевизора, чтобы попенять мне на то, что не стоит разводить бардак, потому что мама убирает весь дом, готовясь к нашему отъезду на лето.

Я редко знаю то, чего не знает Энн, поэтому не упускаю шанса поделиться с ней новостью:

– Она убирает не перед отъездом, а потому что ждет гостя.

Теперь я полностью завладеваю вниманием сестры.

– Правда?

Черт... пираты не так говорят.

– Я к тому, что твоя старушка поймала на борту «зайца», и он будет до утра, как Машенька в сказке «Три медведя», спать в моей койке.

Глаза Энн округляются.

– Ничего себе! Ты действительно говоришь, как настоящий пират. Это немного раздражает, но у тебя классно выходит. Но теперь признайся, что ты шутишь. Неужели кто-то останется у нас ночевать? Сегодня?

– Стопудово. Она сказала: сюрприз. Не сойти мне с этого места, тысяча чертей!

– Каких чертей? Подожди. Не бери в голову. – Она отмахивается от меня и возвращается к своему сериалу.

Делать нечего, я остаюсь перед телевизором.

Когда спустя непродолжительное время возвращается домой Бри, она ложится на пол перед нами.

– Вы слышали, что к нам кто-то приезжает?

– Кто тебе сказал? – спрашивает Энн.

– Мама. А тебе не сказала?

– Нет. – Опять Энн злится из-за того, что осталась в неведении.

– А ты вообще сегодня с дивана вставала?

– Да будет тебе известно, – спокойно отвечает Энн, – что сегодня я перечитала «Энн из Зеленых Мезонинов»⁴. Целиком. За один день. Ты бы и половины не прочитала.

– Это точно, – смеется Бри, – потому что меня тут же стало бы клонить в сон.

Энн побагровела:

– Ты не можешь просто помолчать? Я смотрю кино.

Бри вскакивает с пола:

– Это уж со-8 ни в какие ворота. Не собираюсь начинать летние каникулы с того, чтобы сидеть и смотреть слащавые мыльные оперы. Кейд, ты видел, что папа купил новый мусорный контейнер?

⁴ «Энн из Зеленых Мезонинов» (англ. *Anne of Green Gables*) – первый и один из самых известных романов канадской писательницы Люси Мод Монтгомери, опубликованный в 1908 году.

– Да.

– Я тут подумала... пока он еще чистый и все такое... хочешь узнать, что чувствуешь, когда сидишь в контейнере, который катится с горы в парке?

– Да, да! С большого холма или с холмика?

– Холмик – для сопливых девчонок, – отвечает она, а потом едва слышно добавляет: – Холмик в самый раз для Энн.

Энн делает вид, что не слышит.

Через десять минут мы уже наверху пятидесятиметрового склона, я забираюсь внутрь контейнера, крепко держусь, а Бри толкает меня со склона. Когда контейнер летит, она кричит:

– Счастливого пути, молокосос!

Уже через тридцать метров моя голова так и грозит взорваться от вращения.

Еще через десять я взываю о помощи.

Когда я достигаю подножия холма и начинаю останавливаться, то пытаюсь – к сожалению, безуспешно – высунуть нос, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но слишком поздно. Весь мир продолжает крутиться у меня перед глазами, и я рву прямо на себя. *Дважды.*

Бри бежит за мной по склону холма и хохочет до слез.

Мама ничего смешного в этом не находит. Она охает, когда я, несколько минут спустя, вхожу через заднюю дверь на кухню, весь в собственной блевоте.

– Что случилось?

– Качка, – стоически отвечаю я, вытирая рот рукавом. – Пошел ко дну вместе с кораблем.

И тут ее ноздрей достигает исходящий от меня «душок».

– Боже мой, наша гостья прибудет через десять минут! Марш в душ, юноша! Дважды помойся! И не выходи, пока не будешь благоухать, как роза. – Когда я уже иду по коридору, она еще раз окликает меня: – Одежду оставь за дверью, Кейд. Я брошу ее в машинку, пока никто не унюхал этот запах.

Умытый и благоухающий, я, обернувшись полотенцем вокруг талии, шагаю по коридору. Не успеваю и двух шагов отойти от ванной, как вопит Бри:

– Приехали! Приехали!

– Кто приехал? – кричу я в ответ и припускаюсь ко входной двери.

Когда я поворачиваю из-за угла к прихожей, Бри стоит, прижавшись к стеклу.

– Папа с гостьей! – радостно кричит она, мотая головой. – Я видела, как они подъехали.

Первое, что видит мама, когда выходит к нам с кухни, – полотенце, обернутое вокруг моей талии.

– Кейд, ты чего? Ступай и немедленно оденься! Нельзя разгуливать по дому полураздетым.

В ту же секунду с первого этажа поднимается Энн и останавливается на предпоследней ступеньке лестницы.

– Это точно. Прикрой свое тщедушное белое тельце, пока мы все не ослепли.

– Сейчас прикрою, – бормочу я, – только посмотрю, кто приехал.

У маленького окошка у входной двери место только для одного человека, поэтому Бри в лицах рассказывает нам, что происходит на улице. Она старается, но выходит у нее не очень.

– Ладно... открылась дверь машины... секунду... кто такие носит? Это похоже на... нет, быть не может. Ой, вот они выходят... все еще идут... приближаются... Неужели это... Да, это... Нет... или да? – Повисает молчание – намного более длительное, чем требуется, чтобы дойти ко входной двери. Наконец Бри оборачивается: – Мам, это та, о ком я подумала?

– Да говори уже кто, – настаивает Энн.

Через секунду распахивается дверь. На пороге за четырехколесными ходунками стоит старушка с вызывающими рыжими волосами, в черных солнцезащитных очках, которые скрывают половину ее морщинистого лица, и в розовом свитере.

– Добро пожаловать! – восклицает мама. – Входите, входите!

Она подходит к стоящей на пороге старушке и перегибается через ходунки, чтобы обнять ее.

– Моя маленькая Эмили! Как ты, дорогая?

– Хорошо, хорошо. Чрезвычайно рада, что ты нашла время нас навестить. Тебе чем-то помочь?

– Можешь убрать у меня с дороги эту чертову толкалку-каталку. Мне она вообще не нужна. Хотя в самолете удобная штука. Когда видят эту ходилку, меня первую пускают на борт.

Мама ставит ходунки к стене, недалеко от меня.

– Мам, – шепчу я, стараясь, чтобы меня не заметили, – это кто?

Либо у меня плохо с шепотом, либо у старушки отменный слуховой аппарат. Она шагает через порог в мою сторону, негромко посмеивается и снимает очки, за которыми прячутся ярко-голубые глаза и морщинистые веки.

– Кто же еще? Это я! Тетушка Бев!

Пратетушка Бев, если уж быть точным, – сестра моей прабабушки. Мне известно о ней лишь то, что она во Флориде. Уж не помню, где именно, но знаю: до Диснейленда от нее час пути. Родители возили нас туда три года назад, и мы остановились у тетушки Бев в компании других стариков из ее деревушки пенсионеров, вместо того чтобы снять номер в гостинице. Это было еще в те прекрасные далекие времена, когда никто не знал, что у Энн большое сердце.

– Ух ты! – отвечаю я. – Вы совсем другая.

Тетушка Бев игриво ерошит волосы у себя на затылке.

– Да уж, мне стало немного скучно в Кэннон Бич, а местный косметолог предложила перекраситься в матово-рыжий. Что ж, побуду пока такой. Если что не так, во Флориде подправлю.

Наконец-то меня осенило: *тетушка Бев прилетела в Орегон навестить старшую сестру – мою прабабку, которая живет в Кэннон Бич*. Она уже недель шесть там живет, присматривает за домом, ухаживает за своей старшей сестрой в доме престарелых. Теперь же, когда мы отправляемся на побережье и сможем помочь прабабушке, она возвращается к пальмам Флориды.

– С дороги посторонись, – говорит папа, переступая порог.

В каждой руке у него по внушительному чемодану. Он ставит их на пол, чтобы закрыть дверь, потом вновь поднимает и обходит Бев.

– Мы наверху приготовили для вас комнату. А чемоданы я оставлю здесь.

– Да храни тебя Господь. Приехал на побережье, чтобы меня забрать, потом еще мой багаж тянул. – Повернувшись к маме, она добавляет: – Я всегда говорила, что ты удачно вышла замуж. Береги этого парня, Эм, никуда не отпускай.

Мама с папой неловко переглядываются, потом он скрывается на лестнице.

– Я стараюсь, – отвечает мама едва слышно.

Бев поворачивается ко мне и щиплет за руку:

– Как ты вырос и возмужал с тех пор, когда я видела тебя последний раз, Кейд!

Ее щипок заставляет меня вспомнить, что я продолжаю стоять полуголый с полотенцем на талии.

Я опускаю глаза, чтобы разглядеть, насколько я «возмужал».

– Наверное, – соглашаюсь я, чувствуя себя не в своей тарелке. – Что бы ни означало «возмужать», я на сто процентов уверен, что после поездки в Диснейленд я ни «возом», ни «мужем» не стал.

Бев с мамой заливаются смехом. Энн с Бри тоже начинают хихикать.

– «Возмужал» означает просто «сильно вырос и окреп», – смеется тетушка Бев.

– Тебе уже давно пора одеться, Кейд, – говорит мама. – Поторопись. Тетушка Бев никуда не уедет, пока ты будешь приводить себя в порядок.

Глава 6 Эмили

– Хочешь, тоже поднимемся наверх, устрою тебя в комнате? – спрашиваю я Бев, когда Кейд рванул вверх по лестнице.

– Боже мой, нет. Сначала нам нужно наверстать упущенное.

Я киваю Энн и Бри:

– Девочки, проводите тетушку Бев в гостиную. Я принесу что-нибудь попить. Бев, хочешь пить?

– Да, но безо льда. Все не могу согреться. И хотя уже наступил июнь, до сих пор хожу в свитере.

По дороге на кухню мое внимание притягивает одна картинка в рамке. И хотя я вижу ее каждый день, уже давно не обращала на нее внимания. Сама картинка представляет собой фотографию, на которой запечатлены держащиеся за руки мужчина и женщина на фоне Эйфелевой башни. Картина уже много лет собирает пыль на комод. Я беру снимок, улыбаюсь, вспоминая тот день, когда по почте пришла эта открытка.

Счастливые были времена...

Я снимаю бархатную заднюю часть рамки, чтобы прочесть на обороте открытки надпись, адресованную мне. На французской марке штемпель почти двадцатилетней давности. Еще до нашей свадьбы с Деллом. И хотя слова я помню наизусть, не отказываю себе в удовольствии еще раз прочитать каллиграфически выведенный текст.

Моя любимая Эмили,

Привет тебе из Города любви и света! Мы с твоим дедушкой празднуем сороковую годовщину нашего брака веселее, чем праздновали двадцатую. Жизнь, прожитая бок о бок, становится все лучше и лучше! С нетерпением ждем возвращения, чтобы успеть на вашу с Деллом свадьбу. Ты нашла настоящее сокровище. Крепко держись за него. Лет через двадцать, когда у вас за плечами будет пара десятилетий брака, я представляю, как вы оба будете стоять здесь, в Париже, отмечая прожитые вместе годы. Впереди вас ждут многие-многие годы любви. До скорой встречи!

Je t'aime! – Я тебя люблю! – Бабушка Грейс.

– Я и не знал, что это открытка.

Слова застают меня врасплох, я роняю рамку на ковер. К счастью, она не разбивается.

– Кейд! Что ты здесь делаешь?

– Ничего. Просто увидел, что ты здесь... стоишь грустная.

– Просто задумалась о прошлом.

– О грустном прошлом.

– Нет... о прошлом.

Откровенно признаться, на самом деле, когда он ко мне подкрался, я не столько вспоминала прошлое, сколько думала о том, что нас ждет в настоящем и будущем, которое кажется крайне неопределенным. Будущее, предсказанное бабушкой Грейс, ничуть не походило на то, как в действительности сложилась жизнь.

При мысли об этом хотелось плакать.

– Можно посмотреть? – просит он, указывая на открытку. Я протягиваю ему, и он тут же ее переворачивает, чтобы рассмотреть фотографию. – Это же бабушка Грейс, верно? А это дедушка?

– Верно.

– Бабушка такая молодая. – Он еще раз переворачивает фото и читает послание. Прочитав, отдает открытку. – Очень изящно.

– Да, изящно, – отвечаю я, изумленная тем, что он выбрал именно это выражение, которое использовал дедушка для описания всего на свете. «Как прошли каникулы, дедушка?» – «Вполне изящно». «Что скажешь о фильме?» – «За весь год не видел более изящного фильма». «Знаешь... это изящные дети. Все делают правильно, я бы сказал».

– Ты улыбаешься. Что смешного?

– Ничего. Я тебе рассказывала, что эта открытка задержалась на почте?

Он качает головой:

– Ты даже не говорила, что это открытка.

– Что ж, было это так: дедушка с бабушкой отослали ее домой из самой Франции. Наверное, она плыла на очень медленном теплоходе. Однако успела как раз вовремя – пришла в день моей свадьбы. Почтальон принес ее, когда мы выходили из дому, направляясь в церковь. Это был самый лучший подарок. – Я запнулась, вспоминая тот день – счастье и удивление от того, что открывается новая глава в моей жизни, радостное предвкушение от вступления на непознанную территорию с лучшим другом и одновременно страх неизвестности. – Я так нервничала. Как, наверное, и любая невеста. Но эта маленькая записочка от бабушки – как раз то, что мне было нужно, чтобы успокоиться. – Я опять запинаясь, вновь беру снимок и смотрю на Эйфелеву башню. – У нас с папой и настоящего медового месяца не было, но я заставила вашего отца пообещать, что на двадцатилетие свадьбы мы отправимся в Париж. Как предсказывали бабушка с дедом. – Я почувствовала, как гаснет моя ностальгическая улыбка.

– Это же в этом году, верно?

Я киваю:

– Тринадцатого декабря.

– И?.. Поедете?

Что на это ответить? Для начала я медленно вздохнула, раздумывая над тем, насколько все... сложно. Суровая правда жизни в том, что двадцатую годовщину свадьбы, о которой я так мечтала, мы вообще вряд ли будем отмечать. И дело не только в здоровье Энн, но и в деньгах. Подобный вояж обойдется в тысячи долларов, и, пока мы завалены медицинскими счетами, об этом не может быть и речи. Но хуже всего то, что я сомневаюсь, учитывая наши бесконечные ссоры, что наш брак продержится оставшиеся до декабря полгода.

– Посмотрим, – отвечаю, а потом засовываю фотографию назад в рамку и ставлю ее на комод.

Когда мы с Кейдом входим в гостиную, где неспешно протекает беседа с тетужкой Бев, я искренне поражаюсь тому, что в восемьдесят один год у нее настолько живой ум, что она может дать фору даже Энн с Бри.

Свободное место на диванчике только рядом с Деллом. Я ставлю на кофейный столик кувшин с лимонадом и сажусь на пол.

– Значит, ты утверждаешь, – говорит Энн, – что вдруг, ни с того ни с сего, сидящий рядом с тобой парень просто протянул руку и взял твое печенье?

– Вот именно! – настаивает Бев. – Только это было не просто печенье, а одна из тех вкуснейших бисквитных печенюшек, которые я приберегала для того, чтобы в полете смотреть кино.

– И что ты сделала? – спрашивает Бри.

– Какое-то время я просто сидела, сбита с толку. В конце концов у меня хватило смелости поинтересоваться у него, кто дал ему право воровать мою еду. А он мне отвечает: «Не понимаю, о чем вы, мадам». Как будто не он только что схрумкал мое печенье. На его усах все еще были крошки. Боже мой, я видела обе обертки – его и свою – у него

на подносе рядом с арахисом! Я подождала пару минут, потом нажала кнопку вызова стюардессы. Когда она подошла, я спросила, нельзя ли мне еще печенье, потому что мое куда-то запропастилось. А еще я попросила свежего чая, поскольку свой я выплеснула на сидящего рядом джентльмена. – Она захихикала, потом продолжала: – «Не понимаю, о чем вы», – повторил сосед. А когда он опустил взгляд на свои шорты, я вылила целую чашку чая прямо ему на колени! Бедняга чуть головой обшивку самолета не пробил. Когда у него перестало дымиться причинное место, вернулась стюардесса с чаем и печеньем и сообщила мне, что меня пересадили в первый класс! – Она опять выдерживает эффектную паузу и спрашивает: – А вам известно, что в первом классе всем дают тапочки? И горячие влажные полотенца, чтобы освежиться? Надеюсь, завтра, на обратном пути, я тоже выбью себе местечко в первом классе.

– Ты ничуть не изменилась, – говорю я ей. – Та же старая тетушка Бев.

– Ключевое слово «старая», – отвечает Бев. Ее озорная улыбка неожиданно превращается в мрачную усмешку. – Я старею, Эмили. Может быть, не душой, но телом. Эти старые кости уже не то что раньше. – На лице старушки пролегает тень. – Боюсь, моей сестре намного хуже.

В комнате стало очень тихо.

– С ней совсем плохо?

До того как заболела Энн, мы ездили к бабушке Грейс раз в два месяца, а летом и того чаще. Однако в последнее время сложно выкроить время.

– Иногда она приходит в себя. Сама увидишь на следующей неделе. Временами она с нами, временами нет. Она все больше слабеет, но я хотела бы, когда сама ослабею, хоть иногда быть в своем уме. Мы с ней до сих пор могли вспоминать былые времена, даже смеяться. Возможно, все это было в последний раз. По крайней мере, в этой жизни.

– Я знаю, что она с нетерпением ждала твоего приезда. Прекрасно, что ты смогла приехать так надолго.

Бев улыбается:

– Теперь ваш черед насладиться обществом Грейс. – Она поворачивается к Кейду и хлопает по колену: – Кейд, тебе точно понравится лето, проведенное с бабушкой. Она восхитительная старушка.

– Обязательно, – обещает он.

Зная Кейда, можно с уверенностью сказать, что он ни на секунду не задумывался о том, что на побережье умирает его прабабушка. Как только он узнал, что мы едем к океану, все, о чем он говорит, – как будет весело провести все лето, играя на пляже. Он убежден, что построит самый большой в мире песочный замок, а вчера вечером нарисовал воздушного змея, похожего на чайку.

– И вы, девочки, тоже, – говорит тетушка Бев Энн и Бри, потом поворачивается ко мне: – Хотя я только что приехала, давайте поговорим о деле.

Мы с Деллом обмениваемся недоуменными взглядами.

– О каком деле? – интересуется Делл.

У ног Бев лежит ее сумочка. Она наклоняется и достает какие-то бумаги.

– Надеюсь, это вас не обременит, – говорит она, листая бумаги. – Откровенно говоря, наверное, обременит, но я надеюсь, что вы не будете против взвалить на плечи такой груз. – Она серьезно смотрит на нас. – Мне бы хотелось, чтобы вы немного привели дом в порядок. Там придется сделать косметический ремонт, если захотите его продать.

Минуту все молчат, наконец я обретаю дар речи:

– Ты о чем говоришь? О бабушкином доме?

– Да. Пока будете там отдыхать, вы не против его слегка подлатать? Мне кажется, за него удастся получить больше, если избавиться... Ты же знаешь, как она любила морскую

тему. Но там все немного устарело. Стало более чем старомодным. Немного подчистить, подмазать – и я уверена, что рыночная стоимость будет вполне приличной. – Бев игриво подмигивает, как будто играет с нами, осторожно ведя по тропинке. – Мы с Грейс подумали, что вы получите намного больше, если приложить капельку старания. Но если захотите продать в нынешнем состоянии – тоже, по-моему, неплохо.

Делл крякнул, словно у него першило в горле, потом спросил:

– На что вы намекаете, говоря «если будем продавать»? Почему мы вообще будем его продавать?

Старческое морщинистое лицо Бев расплылось в широченной улыбке.

– Потому что, Делли-малыш, тебя и твою семью все любят. – Она улыбается еще шире и передергивает плечами. – Мы с Грейс все обсудили, и, учитывая, что у вас сейчас большие расходы, мы хотим, чтобы вы продали дом, чтобы смогли расплатиться. – Она протягивает ему бумаги. – Пока я была у сестры, Грейс попросила меня все оформить по закону на случай, когда... когда ее уже не станет. Я все сделала, как она просила, и Грейс уже переписала свой дом на вас. – Она в очередной раз замолкает, всплескивает морщинистыми руками. – Все уже оплачено и оформлено, вы вольны делать с ним все, что вздумается.

Делл, запинаясь, произносит:

– Боже мой... Вы серьезно? Боже мой...

Я говорить даже не пытаюсь. По щекам струятся слезы, я встаю, сажусь рядом с Бев на диван и крепко-крепко обнимаю ее.

Вот так нам достался дом на побережье.

И вот так в конце моего туннеля забрезжил крошечный серебристый лучик света.

Глава 7

Кейд

Первый полноценный день летних каникул. Неужели нельзя поспать подольше?

Наверное, нет, потому что просыпаюсь от шлепанья тапочек старушки, когда она спускается по лестнице.

Когда я открываю глаза, тетушка Бев крадется на цыпочках в ярко-зеленой пижаме и розовых кожаных мокалинах. Она замирает, когда замечает, что я проснулся.

– Прости, – шепчет она.

– За то, что разбудили? Или за то, что заняли мою койку?

– Бог мой, – смеется она. – Я и подумать не могла, что в семье пират. Да к тому же такой отважный. – Бев тычет в меня костлявым пальцем. – Но и я не робкого десятка, так что берегись. – Она опять смеется, потом спрашивает: – Есть хочешь? Черт, ты же взрослый парень. И всегда хочешь есть.

Она обшаривает всю кухню в поисках «правильной» еды. Проверив содержимое всех ящиков, выбирает хлопья в шоколадном сиропе.

– Без молока? – спрашиваю я. *Странно.*

Тетушка Бев разочарованно смотрит на меня:

– Разве так говорит пират? Уверена, ты можешь по-другому.

Я на секунду задумываюсь, потом рычу:

– Эгей! А где молоко для сухой жвачки?

Она восхищенно всплескивает морщинистыми руками:

– Ты такой сообразительный для своего возраста. Держу пари, моей сестре пойдет на пользу твое общество. Ей так одиноко в доме престарелых. – Тетушка Бев скрещивает руки и смотрит на меня. – Ты же приглядишь за ней, Кейд?

– Наверное.

– Если ты пообещаешь мне позаботиться о прабабуле, я раскрою тебе тайну.

– Какую тайну?

– Которую захотел бы знать любой пират. Тайну о сокровищах.

Хитрая старушка знает, как поймать меня на крючок!

– Договорились. Я присмотрю за прабабушкой. Что за тайна?

– Обещаешь никому не рассказывать то, что я тебе скажу?

– Обещаю.

– Отлично. – Тетушка Бев наклоняется, оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что мы одни. – На чердаке, – шепчет она, – если у тебя хватит духу туда залезть, найдешь металлоискатель – лучший, который только можно купить за деньги.

– А для чего он нужен? – шепчу я в ответ.

Кажется, она готова вот-вот рассмеяться:

– Как?.. Чтобы металл искать.

Металлоискатель – звучит круто. Но...

– А зачем мне искать металл?

– *Сокровище, Кейд!* С помощью металлоискателя ищут зарытые сокровища! Вы, ребята, конечно, не знали своего прадедушку, а он верил, что вокруг дома спрятаны сокровища. Именно поэтому он купил металлоискатель. Он часами пропадал на пляже, прочесывая его в надежде отыскать зарытые в песке богатства. И, по словам сестры, они с ним постоянно находили сокровища.

С каждым ее словом сердце мое бьется все быстрее и быстрее.

– И, по-вашему, там еще остались сокровища?

– Существует только один способ узнать. Но если бы мне пришлось держать пари, я бы сказала, что твои шансы обнаружить что-то ценное довольно высоки. Даже больше, чем высоки.

– Круто! – восклицаю я. – Я стану богатым.

Я всегда мечтал разбогатеть... и теперь моя мечта исполнится.

И тут до нас с тетушкой Бев доносится какой-то шум. Через секунду на кухню входит Бри:

– Вот вы где. Я думала, вы уже уехали.

– Скоро уеду, – отвечает тетушка Бев. – Но прежде мне необходима помощь.

– В чем? – спрашиваю я.

Она смотрит на часы:

– Нужно разбудить вашего папу. Он сказал, что через полчаса отвезет меня в аэропорт.

– Я пойду разбужу, – вызывается Бри. – Я все равно собиралась возвращаться наверх.

Забыла снять дверь с фиксатора.

– Желаю тебе удачи, капитан Кейд, – говорит тетушка Бев, когда Бри уходит. – Настоящий пират никогда не сдастся, пока не найдет своего сокровища.

– Будь спок! – рычу я. – Если там есть сокровища, я обязательно их найду. – И добавляю после паузы: – И где мои хлопья? Я голоден как волк.

Утром в понедельник я изо всех сил стараюсь радоваться тому, что мы едем на пляж, но с моими вредными сестрами это не так-то просто. Не знаю, что на них нашло, но они ссорятся по всякому глупейшему поводу. Например, из-за какой-то пары носков, которые оказались у другой в верхнем ящике. Или из-за того, чей это ободок. А иногда из-за того, кому больше идут обрезанные джинсы «Левис».

Из-за штанов! Какая глупость!

Чтобы не слушать их жалобы, я тайком убегаю к приятелю, чтобы пару часиков поиграть в баскетбол. Когда я возвращаюсь домой, мама уже упаковала мои вещи.

– Твой чемодан на кровати, – говорит она. – Снеси его сверху, чтобы быть готовым, когда приедет отец. А когда управишься, принеси и чемодан Энн. Ей нельзя поднимать тяжелого.

Энн тоже слышит мамину просьбу.

– Я не инвалид, – возражает она. – Сама могу донести свой чемодан.

– Нет, – отвечает мама. – Тебе нельзя. Кейд, делай, что тебе велели: неси вещи Энн.

Энн закатывает глаза и бормочет:

– Какая глупость!

– Это для твоего же блага. Пока ты не получишь новое сердце. Тогда все станет намного лучше. И я, если захочешь, разрешу тебе таскать все чемоданы.

Я проверяю, что же мама положила без меня в мой чемодан, и уже через секунду понимаю, что она забыла все важные вещи, которые мне могут пригодиться на пляже. Конечно, там лежат футболки, носки и белье. Но где же моя рогатка, чтобы отпугивать акул? Или бинокль, чтобы следить за китобоями? И какой уважающий себя пират отправится в путешествие без пневматического ружья, складного ножа, жидкости для заправки зажигалки, удочки? К моменту, когда папа возвращается домой, я успеваю упаковать не только это, но и многое другое.

– Поехали! – слышу, как он кричит прямо от двери. – Не хочу попасть в пробку!

Когда я тяну чемодан по лестнице, Бри как раз расчесывается у зеркала при входе. Завидев привязанные к чемодану предметы, она говорит:

– Ты не забыл, что это не охотничья экспедиция?

– За собой следи, женщина.

Она сердито смотрит на меня, потом кричит через плечо:

– Мам! Кейд говорит как пират!

– Мам! Бри сама трусиха, новичок в морском деле, она не смеет мне указывать, как разговаривать!

– Оставь его в покое, Бри. Это само пройдет. А ты, Кейд, не обзывай сестер.

Скорчив Бри свою самую страшную гримасу, я шепчу:

– Если тебе не нравится, что я говорю по-пиратски, я буду разговаривать так постоянно, – и загружаю свое добро в машину.

По дороге в Кэннон Бич папа усаживает нас с Бри на заднее сиденье минивэна, чтобы Энн могла вольготно расположиться на сиденье посередине. Я был уверен, что длительное пребывание рядом с сестрой окажется просто нестерпимым, но в итоге оно оказалось довольно... скажем так... интересным.

Мне многое в Бри не нравится, но в одном ей не откажешь – она отлично рисует. Она единственная из тех, кого я знаю, кто действительно может что-то нарисовать. Поэтому я ничуть не удивлен, что она взяла с собой большой блокнот и маркеры, чтобы скоротать время. Но вскоре она наклоняется ко мне и шепчет:

– Эй, у меня есть идея.

Будучи одиннадцать лет ее младшим братом, я знаю, что значит «у меня есть идея». Это означает, что она задумала что-то такое, чего нам делать не следует. В данном случае речь идет о том, что у нее есть идея, как воспользоваться бумагой и маркерами помимо набросков.

– Побудь на стреме, – велит она.

Я наблюдаю, как Бри достает толстый голубой маркер и пишет послание, которое смогут прочитать те, кто едет в машинах вслед за нами.

– Подайте сигнал... если, – проговаривает она про себя слова, – вы... любите... мороженое!

Закончив писать, она прижимает записку к заднему стеклу машины. Через десять секунд идущий за нами грузовик дважды громко сигнализирует. Бри прекрасно знает, что папа посмотрит, поэтому поспешно убирает написанное, когда слышит клаксон.

– Почему этот сопляк нам сигнализирует? – почти тотчас же удивляется отец. – Я всего лишь на десять километров превышаю скорость.

– Потому что он любит мороженое, – равнодушно отвечает Бри.

– Да? Серьезно?

– Да-да, кэп, – кричу я.

Кажется, ответ его успокаивает.

Когда папа сворачивает в переулок, Бри протягивает мне маркер и бумагу, и я пишу свое первое послание: «Помаши рукой, если ты добрый человек!» Согласен, не очень умно с моей стороны, но все же нам машет крупная женщина из кабинки грузовичка.

– Она помахала! – радостно шепчу я.

Бри пытается подавить смешок:

– Ничего она не помахала, Тупица. Если только у нее не один палец на руке.

Следующая надпись моей сестры гласила: «Мне нравится ваша машина! Мигните фарами, если думаете о нашей машине то же самое». Едущий за нами «мерседес» тут же обгоняет нас, не включая фар.

Бри тут же придумала два новых послания, мне пришлось не отставать. Пару минут мне нужно, чтобы придумать очередную надпись, но в итоге я пишу: «Сестре – 17. Она нецелованная. Посигнальте, если это грустно!» Через минуту мое послание вызывает пять громких сигналов клаксона от группы подростков, едущих в ржавом «Фольксвагене-жуке».

– А теперь что? – недоумевает папа, не понимая, почему ему опять сигналият. – Почему люди такие грубые?

– Это просто тупые подростки, – уверяет его Бри. – Не волнуйся, папочка, ты тут не при чем.

– Чем вы там, ребята, занимаетесь? – спрашивает мама.

– Мы просто радуемся. Все в порядке.

– Пока они не ссорятся, я счастлив, – говорит отец.

– Мне тоже нравится, когда никто не ссорится, – заявляет мама. Не знаю, имеет она в виду сейчас нас, детей, или их с папой. Судя по папиному взгляду, его заботит тот же вопрос.

Бри жестами показывает, что моя последняя надпись гораздо круче, чем ее. Не желая уступать младшему брату, она берет бумагу и ручку и вновь начинает писать. Когда заканчивает, смеется и показывает то, что написала.

– Когда я прижму это к стеклу, – шепчет она, – ты должен выглядеть испуганным. Ладно?

– Будь спок.

За нами в потоке оказывается пожилая пара в доме на колесах. Когда Бри прижимает написанное к стеклу, я делаю то, что она мне велела. Пара выглядит очень обеспокоенной. Они машут в нашу сторону и сворачивают на следующем же повороте. Как только они уезжают, мы с Бри заливаемся смехом и прячем написанное на пол под сиденье.

Через пятнадцать минут нас с мигалками и сиренами догоняют две патрульные машины.

– Потихе! – восклицает Энн испуганно, вой сирен разбудил ее. – Что происходит?

У меня неистово заколотилось сердце – могу только представить, что происходит с сердцем Энн. Я нервно смотрю на Бри. Она испугана еще больше, чем я. Папа притормаживает у обочины, чтобы пропустить полицию, но через секунду я понимаю, что мы в глубокой заднице.

Патрульные автомобили с сиренами проносятся слева от нас и останавливаются, один полицейский выходит из машины. Оружие у него в кобуре, но рука лежит на ней словно приклеенная.

– Бри? Кейд? Вы мне ничего не хотите сказать? – шипит папа, когда подходит офицер.

– Н-е-е-ет... ничего, – отвечает Бри.

– Нет, – негромко добавляю я.

Папа опускает стекло и поспешно натягивает на лицо улыбку.

– Добрый вечер, офицер. Все в порядке? Я же не превысил скорость, не так ли?

Полицейский внимательно осматривает машину, каждого сидящего, но особое внимание уделяет нам с Бри.

– Куда направляетесь?

– В Кэннон Бич.

– Предъявите, пожалуйста, ваши права.

Папа протягивает ему документы.

– Дети, находящиеся в машине, ваши? – интересуется полицейский, изучая папино водительское удостоверение.

– Были мои, – нервно усмехнулся отец.

Офицеру совсем не смешно. Он просит папу открыть багажник, потом обходит машину и направляется прямо к нам с сестрой.

– Вы, ребята, знаете, почему я здесь? – спрашивает он. Голос его внушает такое же опасение, как и пульс Энн.

Я утвердительно киваю, но Бри отрицательно качает головой.

– Неужели папа опять превысил скорость? – невинно спрашивает она. – Мама говорит, что он любит надавить на газ.

– Значит, это ваш отец?

– Был моим, – со смешком отвечает Бри, цитируя слова, произнесенные отцом минуту назад.

– В таком случае, – продолжаем полицейский, – почему на 9-1-1 поступил звонок о похищении детей?

Бри непонимающе – «знать ничего не знаю» – смотрит на него и отвечает:

– Может быть, в другой машине?

Несмотря на блестящую игру сестры, я понимаю, что сейчас не время для шуток. Я роюсь в лежащих на полу бумажках и достаю листок, на котором написано: «Помогите! Нас похитили! Позвоните в полицию!»

Офицер записывает наши имена и возраст в блокнот и направляется назад к своей машине. Через несколько минут он возвращается, получив подтверждение, что Делл и Эмили Беннетт являются родителями Энн, Бри и Кейда.

– Все подтвердилось, – сообщает он отцу. – Похоже, мистер Беннетт, вам не позавидуешь – хлопот полон рот.

Папа гневно смотрит на нас в зеркало заднего вида.

– Вам и не снилось. Что нужно сделать, чтобы на пару месяцев посадить их под замок?

К счастью, полицейский не собирается предъявлять нам обвинение. Однако папа обвиняет нас в мятеже.

– Может быть, сегодня только Кейд разговаривает как пират, – говорит он, когда мы вновь выезжаем на дорогу, – но, клянусь, вы оба – дети-пираты. И это совсем не комплимент. – Он продолжает разговаривать спокойно, чтобы еще больше не расстраивать Энн, но я вижу, что он вот-вот придет в ярость. – *Похищены?* Наша поездка началась всего час назад, а из-за вас уже пришлось останавливаться по требованию полиции, потому что меня подозревают в похищении. – Он опять смотрит в зеркало заднего вида, чтобы удостовериться, что мы все во внимании. – Ребята, вы вообще помните, зачем мы едем на побережье?

– Да, – отвечает Бри.

– Кейд?

– Так точно, кэп.

– Отлично. Но если вы знаете почему, тогда я хочу, чтобы вы вели себя так, как будто это важно и для вас. Когда я говорил, что мы не можем позволить себе всех ваших шуточек, – я говорил серьезно. Этим летом все делается ради Энн, а не ради вас, два хулигана. – На секунду он замолкает, но продолжает играть желваками. – Признайтесь мне честно, вы готовы сделать так, чтобы это лето сработало как надо? Или мне прямо сейчас поворачивать домой?

– Делл, – негромко успокаивает мама, – не грози отменить поездку. В этом нет необходимости.

Он отрывает взгляд от дороги и недоверчиво смотрит на маму:

– Почему ты подрываешь мой авторитет? Я пытаюсь сразу поставить точку в этой истории, чтобы все лето мы не расхлебывали подобный вздор, а ты такое заявляешь.

– Тон смени, – отвечает она, даже не глядя на мужа. – Неудивительно, что дети часто разговаривают на повышенных тонах.

Папа вновь концентрируется на дороге и бормочет:

– Опять эти упреки о тоне. Я всегда общаюсь не тем тоном... – После того как пыль немного улеглась, он опять смотрит в зеркало заднего вида. – Простите, ребята, отвлекся. А теперь я жду ответа: вы готовы изменить свое поведение или мне поворачивать?

– Я готов.

– Я тоже, – щебечет Бри. – Прости, Энн. Я не хотела подвергать тебя, ну ты понимаешь... и твое сердце всем этим завыванием сирен.

Энн расплывается в улыбке:

– Шутишь? Было так весело. А какие еще надписи вы показывали в окно?

На секунду на лице Бри отражается паника, и я знаю, о чем она думает.

– Да так... ерунду всякую, – отвечает она.

– Все равно дайте посмотреть.

– Нет. Там одни глупости. Тупые просьбы попросить людей посигналить или рукой помахать.

Энн не дура. Одного нежелания Бри показать записки более чем достаточно, чтобы заподозрить, что мы что-то скрываем. К тому же ей известно, что родители, опасаясь навредить ее больному сердцу, готовы исполнить любое ее желание, поэтому Энн тут же обращается к маме:

– Мама, Бри с Кейдом не дают мне посмотреть, что еще они писали.

– Бри! – окликает мама.

– Ребята, покажите их Энн, – просто велит отец.

– Но...

– Никаких «но»! – рявкает папа, не давая Бри закончить свои возражения.

Отец искоса смотрит на маму, чтобы убедиться, что она не станет опять ругать его за то, что он повысил голос.

Я протягиваю всю кипу исписанных листов Энн. Ей хватает пяти секунд, чтобы найти плакат, посвященный ей.

– Кто это написал? – тут же вопит она. Ее лицо тут же багровеет, а это означает, что сердце работает на пределе. – Вы два ничтожества, понятно вам?

– Это написал Тупица, – тут же отрешивается Бри. – Мои совершенно безобидные.

Безобидные?! Из-за твоих нас остановила полиция!

– Откуда вам вообще известно, целовалась я или нет?

– А ты целовалась?

– Не ваше дело!

– Энн, – предостерегает мама, – пожалуйста, не заводись. Сделай глубокий вдох, мы все выясним.

Лицо Энн до сих пор горит, но она делает глубокий вдох через нос, потом поворачивается ко мне и спрашивает:

– Кейд, зачем ты такое написал?

Резонный вопрос. Я на мгновение задумываюсь, прежде чем ответить по-пиратски:

– У тебя же никогда не было приятеля, и ты никогда не приводила домой жениха, чтобы поужинать или позаниматься вместе. Поэтому я решил, что ты никогда не целовалась.

– Папа! Пожалуйста, запрети ему так говорить. Он сводит меня с ума!

– Кейд, – говорит папа голосом, который означает, что терпение его на исходе, – Довольно! День «Говори как пират» официально объявляется законченным. *Дошло?*

Энн презрительно усмехается, тайно злорадствуя, что она, благодаря своему слабому сердцу, имеет надо мной такую власть.

– Тысяча чертей! – бормочу я, вновь поворачиваясь к окну.

– Все! Довольно! – велит мама, впервые повышая голос. – Мы только час как выехали. Пока не доедем, я требую полнейшей тишины. Кивните, если поняли.

– Следи за тоном, милая, – мимоходом говорит папа, когда мамино лицо становится пунцовым. – Неудивительно, что дети повышают голос.

Глава 8

Бри

Еще достаточно светло, когда мы подъезжаем к пляжному домику, который расположен на небольшой прелестной улочке, идущей вдоль дороги. Папа сдает задом и паркует машину сразу за стареньким бабушкиным автомобилем, оставляя открытым вид на полоску песчаного пляжа, который следующие три месяца будет служить нам задним двором. За полоской песка на гребне волны – Хейстек Рок (Сток сена), монолитная скала, устремленная навстречу садящемуся солнцу. Даже при закрытых окнах я слышала, как об нее бьется прибой.

Папа еще не успевает заглушить мотор, а Кейд уже карабкается по сиденью к двери. Держу пари, что сидящий внутри него мерзкий пиратишка не в силах дожидаться того момента, когда он сможет выбраться из машины и броситься к морю, но у папы другие планы.

– Никто никуда не убегает, – предупреждает он и разблокирует двери машины, нажав кнопку, – пока не разберете вещи и не устроитесь в комнатах. – Повернувшись к маме, он спрашивает: – Эмили, ты уже решила, кто и где спит?

Только-только прозвучал папин вопрос, как Энн тут же выкрикивает:

– Чур, моя спальня внизу!

Мы достаточно часто останавливались у прабабушки, чтобы знать расположение комнат. На первом этаже хозяйская спальня и одна гостевая, еще одна спальня, поменьше, наверху. Хозяйская спальня явно больше, но из гостевых вид на пляж красивее.

– Тогда я занимаю спальню наверху! – через долю секунды кричу я.

Кейд, явно проиграв в гонке за комнаты, в отчаянии заламывает руки:

– А где мне в таком случае спать? На полу?

– Нет, – успокаивает его мама, – будешь спать на кровати. – Она смотрит на отца, потом добавляет: – По крайней мере, большую часть времени. В хозяйской спальне до сих пор хранятся бабушкины вещи, поэтому хотелось бы пока оставить все как есть. А это означает, что мы с папой займем оставшуюся на первом этаже спальню. Там две одинаковые кровати, поэтому, когда папы в будние дни не будет, можешь спать в комнате со мной. А по выходным будешь спать на диване. Энн и Бри, вы обе будете спать наверху. На двухъярусной кровати.

– Мне придется делить комнату?! – восклицает Энн.

– С ней? – возмущаюсь я. – Со-8 ни в какие ворота.

– Со-8 отлично, – поправляет мама. – Уверена, юные леди, вы это переживете. Вы же родные сестры, как ни крути. Нет ничего плохого в том, чтобы жить в одной комнате.

Папа уже шагает по направлению к дому.

– Пошли, бригада, устраиваться, – зовет он. – Кейд, возьми, пожалуйста, чемодан Энн.

– Опять я?

– Просто сделай то, что тебе говорят, сынок. Будь мужчиной.

Снаружи дом выглядит большим, но я всегда удивлялась тому, каким крошечным он кажется изнутри.

– А где, черт побери, я должен играть? – интересуется Кейд, когда мы входим внутрь.

Папа обнимает его за плечо и шепчет:

– Пожалуйста, не начинай. Не забывай, что мы здесь ради Энн. И ради твоей прабабушки. Можно играть на улице, для чего же еще пляж, а?

Кейд кивает, потом подбегает к заднему окну, чтобы посмотреть на пляж.

Я смотрю на Энн, которая рассматривает палтуса, который, словно картина, висит на стене. Я никогда не переставала удивляться, насколько *рыбным* кажется этот дом. За деся-

тилетия, проведенные здесь, бабушка и дедушка, когда он был еще жив, собрали морских «сокровищ» более чем достаточно. Над палтусом, подвешенным за губу на огромном крючке, висит раздутое чучело рыбы-собаки с вкрученной лампочкой – импровизированный светильник, от которого бросает в дрожь. Однако здесь он очень уместен, ведь в этом доме все отделано всякой отвратительной всячиной, которую выносит на берег океана: в гостиной обои с изображением чаек, маленькие маяки на кухне, морские ракушки в обеих ваннных комнатах, рыбацкие сети в хозяйской спальне, якорь в гостиной и морская звезда в комнате с двухъярусной кроватью. В ванной наверху на двери висит импровизированная табличка «Для бакенов и чаек». Туалеты и ванны выложены песочного цвета плиткой, а лестницы и пол в гостиной и спальнях покрыты толстым, жестким ковром цвета морской волны.

– Идеальное место, – заявляет мама, после того как мы быстро осматриваем дом, знакомясь с интерьером.

Идеальное? Скорее похоже на фильм ужаса о Русалочке.

– Пахнет солью, – говорю я.

– А мне нравится, – встречает Кейд. – Заглушает твои духи.

– Мне тоже нравится, – замечает Энн прежде, чем я успеваю накинуться на Кейда. – Такое впечатление, что мы с каждым вдохом поглощаем океан. Мама права, это идеальное место для того, чтобы провести лето. – Она замолкает и смотрит прямо на меня. – Если бы только ни с кем не делить комнату.

– Поверь мне, – вздыхаю я, – это взаимно.

Папа стоит на кухне и внимательно изучает пол. Теперь, когда этот дом официально принадлежит нам, он осматривает его более критично, чем во время прошлых приездов.

– Меня немного... мутит. Кого-нибудь еще подташнивает?

– Меня, – тут же признаюсь я, поднимая руку. – По-моему, все дело в ковре.

Мы все наблюдаем, как папа достает из кармана ручку и кладет ее на плитку у ног.

– Интересно, – негромко бормочет он. Когда он отпускает ручку, она начинает медленно, но уверенно катиться в противоположный конец кухни. – Ух ты, беспорядок.

– Ты шутишь, – говорит мама.

– Сила притяжения не врет, но мне кажется, что раньше я этого не замечал. Скорее всего, виной песчаный фундамент – со временем он осел. Поэтому мудрые люди строят дома на скалах. – Он задумывается. – Это может повлиять на стоимость. Прежде чем продавать, следует все внимательно осмотреть.

– А я ничего не замечаю, – ничуть не смутившись, заявляет мама. – Все равно он прекрасен. Идеальное место для того, чтобы этим летом создать идеальные отношения с нашими идеальными детьми.

– И с Кейдом, – многозначительно добавляю я.

Мама усмехается и обнимает Кейда за плечо.

– Да, Бризи, – смеется она, – и с Кейдом.

Разобрав чемоданы, мама отправляется на местный рынок, а мы с папой идем на короткую прогулку по пляжу. Солнце как раз заходит, окутывая всю линию горизонта в оранжево-пурпурное зарево.

От меня не укрывается то, что Энн продолжает делать длинные, глубокие вдохи, когда мы бредем по песку. После особенно продолжительного вдоха она оборачивается, вздымает руки высоко в небо и восклицает:

– Я могла бы сегодня умереть – и была бы просто счастлива.

– Не умирай, – прошу я, – потому что я не хочу жить одна, сама знаешь с кем. – Я киваю на Кейда.

– Я пошутила. Успокойся.

– А я нет, – бормочу я.

Энн делает очередной глубокий вдох, медленно выдыхает, смакуя.

– Неужели вы не чувствуете? Ропот волн, шум, мелкие брызги – я чувствую себя такой живой.

– Этого мы все хотим, – говорит отец, наклоняется и рисует пальцем сердце на песке. – Жить на пляже, чтобы чувствовать себя живым. – Пару секунд папа с Энн обмениваются спокойным взглядом как отец с дочерью. – Ради того чтобы ты, Энн, жила. И получила новое сердце. – Он встает и стряхивает песок с пальца.

– А еще речь идет о смерти, – добавляет Кейд. – Потому что, если ты получаешь новое сердце, значит, у кого-то выдалось не очень удачное лето.

Энн тут же мрачнеет.

– Спасибо большое, что напомнил мне об этом, – говорит она, ее глаза тут же краснеют и наполняются слезами. – Умеешь ты все испортить.

Она поворачивает и направляется назад к дому.

– Молодец, Тупица, – «хвалю» я.

Папа качает головой:

– Кейд, тебе следует научиться некоторые мысли держать при себе.

– Пап, но это же правда. Я не хочу, чтобы Энн умирала, но и не хочу, чтобы умер кто-то другой.

Он нерешительно улыбается и ерошит Кейду волосы.

– Я знаю. Но хочешь, я что-то тебе скажу? Поскольку я отец, я – эгоист. Хочу, чтобы Энн жила долго-долго. Поэтому если кто-то должен этим летом умереть – а мне бы очень этого не хотелось, – но если такова воля Господа, тогда я буду молиться Всевышнему, чтобы это оказалась не твоя сестра. – Папа легонько обнимает Кейда за плечи. – Пойдем, сынок. – Поворачивается ко мне и знаком призывает следовать за ними.

Я не шевелюсь.

– Я могу здесь еще ненадолго остаться? – С моих уст слетел лишь шепот, но непрекращающийся ветер донес его до папиных ушей. – Пока солнце не село?

Изначально я уверена, что он не разрешит: девочке-подростку не стоит одной оставаться на пляже. Но потом он, наверное, что-то разглядел в моих глазах, потому что успокоился.

– Никуда не уходи, – предупреждает он. – Скоро прилив, не подходи слишком близко к воде. Увидимся позже.

Как только он скрывается с глаз, я направляюсь напрямик к воде. Однако не захожу далеко – только ноги намочить. В конце концов, вода почти ледяная: на побережье Орегона всегда холодно. Какое-то время я стою на одном месте, все больше погружаясь в песок всякий раз, как вода вокруг моих лодыжек отступает назад в океан. Когда ноги немеют, я отхожу на то место, куда вода не достает. Палочкой рисую на песке – крошечное сердечко, похожее на то, что папа рисовал пальцем.

Только мое больше походит на сердце моей сестры: кривое, немного неправильной формы.

Когда дело касается живописи (а для меня даже простой рисунок на песке – живопись), я стремлюсь к совершенству. Я не хочу рисовать сердце такое, как у Энн, – с дефектами. Чтобы исправить, я рисую вокруг первого сердечко побольше, но мое новое сердце такое же перекошенное.

Что со мной? Это не должно быть сложным! Может быть, мои руки тоже занемели.

Испытывая разочарование, я продолжаю в сумерках рисовать сердца вокруг предыдущих, надеясь, что следующее окажется идеальным. С каждой новой линией рисунок становится все больше, но вовсе не лучше. В конечном итоге коллекция сердец становится шири-

ной, по крайней мере, метров в шесть и почти касается прилива. Когда я вижу, что вода скоро разрушит мою работу, я на цыпочках подхожу к самому первому кривобокому сердцу – сердцу Энн в самой середине – как будто само мое присутствие может его уберечь.

Через несколько минут бурлящая вода прилива вновь щекочет мне лодыжки и смывает сердце сердец.

– Почему бы тебе просто не оставить ее в покое? – спрашиваю я у океана. Или у Господа. У кого-то.

Океан не отвечает. Волны продолжают накатывать и отходить, лаская песок. И тем не менее, когда мои ноги синеют от холода, каждая новая волна является страшным напоминанием о том, что я уже знаю. *Ущербные сердца долго не живут.*

– Эй, бродяга. Мы уже хотели вызывать спасателей, – шутит мама, когда я наконец-то возвращаюсь с пляжа через заднюю дверь. Она стоит у плиты, помешивая спагетти в кастрюле. Сделав неглубокий реверанс, она интересуется: – Что скажешь о моем фартуке? Он висел в кладовке и так и просил, чтобы его надели.

Фартук похож на дандженесского краба-переростка⁵. Основная часть – это панцирь, черные глаза-бусинки смотрят маме на подбородок, колючие лапки-завязки обхватывают ее вокруг талии, а две гигантские клешни соединяются на шее, чтобы удерживать фартук на теле.

– От него... тошно, – отвечаю я.

– В данном случае это хорошо или плохо?

Я смеюсь:

– Посмотри еще раз на то, что на тебе надето, а потом сама скажешь.

– Я почти уже все приготовила, но в кладовой висит еще фартук с лобстером, если хочешь – примерь.

– Нет, мне и так хорошо.

Она подмигивает и продолжает перемешивать вермишель.

– Ты Энн не видела?

– Наверное, отдыхает наверху.

Когда я миную гостиную, Кейд с папой поглощены игрой в нарды.

– Добро пожаловать домой, – приветствует папа, пока я не дошла до лестницы цвета морской волны.

– Привет, – отвечаю я, не останавливаясь.

На площадку второго этажа выходят три двери. Слева дверь в спальню, дверь прямо ведет на чердак, дверь справа – в «девичью» комнату. Я поворачиваю ручку двери вправо и аккуратно толкаю.

Энн лежит на спине на нижней койке. В руке – ручка, она как раз что-то пишет на деревянной планке у нее в изголовье. Когда она слышит звук открываемой двери, тут же роняет ручку и делает вид, что не занималась ничем предосудительным. Но когда видит, что это всего лишь я, расслабляется и робко улыбается мне:

– Привет.

– Привет, – отвечаю я. – Ну... как дела?

– Отлично.

– Кейд уже извинился?

– За что?

Она шутит?

– Как же! За свои слова на пляже.

⁵ Промысловый вид крабов семейства *Cancriidae*, обитающий на западном побережье Северной Америки.

Она на мгновение задумывается.

– Он говорил правду. Я просто тогда не хотела ее слышать. – Энн умолкает. – Просто это так... непонятно.

– Что именно?

– Вся эта пересадка. Ну, понимаешь, ведь кто-то другой должен умереть. Я пытаюсь не думать об этом, потому что иногда не уверена, что хочу, чтобы внутри меня билось чье-то сердце.

Я киваю, делая вид, что понимаю, хотя мне не дано понять, каково ей.

– А что ты писала на кровати?

Она улыбается:

– Когда мы ушли, я наблюдала за тобой на пляже. – В комнате два окна, она указывает на то, что выходит на пляж. На подоконнике лежит бинокль Кейда.

– Ты шпионила за мной! И что же ты хотела увидеть?

Энн отодвигается, чтобы я могла прочитать. Когда я вижу, что она нарисовала, тяжело сглатываю. На клееной фанере кривое, неровное красное сердечко, а вокруг него – сердце побольше.

– Сердце в сердце, – мрачно говорит она, – потому что, нравится мне это или нет, во мне, может быть, будет биться чужое сердце.

– Может быть?

– Точно будет, – исправляется она.

– Очень клёво, Энн. Будешь рисовать еще?

– Да, но не сегодня. Я буду добавлять по одному сердечку каждый прожитый здесь день, как круги на стволе дерева. Сердце будет расти с каждым днем, пока я не получу новое.

– Круто, – опять хвалю я, глубоко потрясенная тем, что все-таки кое на что ее вдохновила.

Она поворачивает голову на подушке в мою сторону:

– Но я все равно не в восторге от того, что приходится делить с тобой комнату.

– Взаимно.

– Отлично, – смеется она. – Просто хотела внести ясность. – Энн смотрит на расположенную сверху койку. Пальцем она проводит по внешнему сердцу, а потом неожиданно спрашивает: – Ты думаешь, я зануда?

Вопрос застает меня врасплох. Конечно, я считаю ее занудой. Как и все остальные.

– А... а почему ты спрашиваешь?

– Из-за тех слов, что вы написали и выставили в окно машины на всеобщее обозрение. Вы с Кейдом оба полагаете, что я неудачница, да?

– Это Кейд написал о поцелуе.

– Но ты ведь тоже считаешь меня неудачницей.

– Не все время.

– Что ж, это большое, жирное «да». – В ее голосе звучит нешуточная печаль. – Я неудачница, да?

Держу рот на замке, решив, что это риторический вопрос.

Энн поднимает палец и опять проводит по сердцу, на сей раз медленнее.

– Может быть, я смогу измениться, – решительно заявляет она, а потом менее уверенно шепчет: – А может быть, нет.

Глава 9

Энн

Солнце еще не успевает выглянуть из-за прибрежной гряды, как папа вваливается в нашу спальню и спрашивает, не желаем ли мы отправиться с ним и мамой в строительный гипермаркет.

Я потираю глаза, смотрю на часы: двадцать минут восьмого утра.

– А зачем так рано?

– Вечером я уезжаю в Портленд, поэтому хочу сразу приступить к делу. И маме кое-что нужно: краска и всякое такое – чтобы она могла начать приводить этот дом в порядок. Кто хочет с нами?

Бри лежит на верхней полке. Она громко зевает, потом поворачивается на другой бок:

– Только не я.

– Я тоже не поеду, – отвечаю папе, продолжая щуриться.

– Этих двоих вычеркиваем, – говорит папа. За его спиной в коридоре маячит Кейд. – А ты, сынок?

– Третьего вычеркиваем тоже, – бормочет он. – Я лучше дома останусь.

– Не хочу никого заставлять. Но если вы хотите остаться, запомните несколько правил на то время, пока нас не будет дома. Энн, Бри, вы слушаете? – Через несколько секунд папа все-таки дожидается, когда Бри повернется и откроет глаза. – Первое правило: в океан ни ногой. Можете гулять по пляжу, но в воду не заходить.

Кейд протяжно, разочарованно стонет:

– Почему?

– Отвечу одним словом: отлив, – говорит отец. – На побережье Орегона очень мощные течения, а я не знаю, когда сегодня начнется прилив. Накроет волной, подводное течение тут же затянет в океан, и глазом моргнуть не успеешь.

– Значит, нам нельзя купаться? – спрашивает разочарованная не меньше Кейда Бри. – А раньше мы играли в воде.

– Я не говорил «никогда». Я говорю лишь о том, что не разрешаю входить в воду, когда нас с мамой нет рядом. Слишком опасно.

– Но Энн профессиональная пловчиха, – возражает Кейд.

При этих словах сердце мое начинает колотиться, потому что сама я не хочу даже близко подходить к океану. Он холодный и мокрый, а я... теперь не слишком большая любительница воды. Я никому об этом не говорила, но едва собираюсь с духом, чтобы встать под душ, а о том, чтобы мокнуть в ванной, не может быть и речи. Потому что на самом деле ванная – это миниатюрный бассейн. А последний раз, прыгнув в бассейн, я едва выбралась оттуда.

Папа качает головой:

– Энн не в той форме, чтобы справиться с таким течением. Ясно?

Я тайком облегченно вздыхаю.

– Отлично, – продолжает отец, когда мы все киваем. – И второе, последнее, правило... – Он обрывает фразу в ожидании, что кто-то из нас ее закончит.

– Не ссориться, – бормочет Бри.

– В точку! Энн необходим покой, поэтому я рассчитываю, что вы оба, пока нас нет, будете вести себя безупречно. Не делайте ничего, что взволновало бы вашу сестру. Ясно?

Кейд лаконично отвечает:

– Да.

– Бри?

– Угу.

– Вот и чудно! К обеду мы вернемся. Позавтракайте. Хлопьев полно. И яиц тоже, если возникнет желание готовить. Если до половины первого нас не будет, в холодильнике есть из чего сделать бутерброды. – Он прощается и спешит к сидящей в машине маме.

– Тьфу, – стонет Бри после папиного ухода. – Теперь заснуть не могу.

– И не говори! Неужели нельзя было просто оставить записку?

– Я писать хочу, – с невозмутимым видом сообщает Кейд.

Фу! Младшие братья отвратительны.

Через пятнадцать минут мы все, уже одетые, сидим внизу и едим яичницу-болтунью. После завтрака включаем телевизор. К нашему величайшему разочарованию, тупой ящик ловит всего четыре канала, но даже они идут с помехами. В последний раз, когда мы навещали прабабушку (ее здоровье тогда только-только начало ухудшаться), у нее, по крайней мере, имелись все основные кабельные каналы. Наверное, тетушка Бев их отключила, потому что прабабушка все время проводит в доме престарелых. От безделья Бри с Кейдом, похоже, готовы мириться и с помехами, но я испытываю непреодолимое желание заняться чем-то более веселым. Какое-то время я сижу перед телевизором, но потом сообщаю, что иду прогуляться.

– Там по улице есть пара клёвых магазинчиков, хочу в них заглянуть. Скоро вернусь.

– Тебе нельзя ходить одной, – возражает Бри, примеряя на себя роль ответственной сестры, что крайне необычно для нее. – А если... ну, ты понимаешь... что-нибудь случится?

Я упираю руки в боки и хмурю брови:

– Ты намекаешь на то, что сердце перестанет биться? Но я же не марафон побегу.

– Но разве ты не должна отдыхать?

– Отдыхать да, но не бездельничать. У меня не постельный режим. А если ты так за меня волнуешься, тогда пошли вместе. Впрочем, с тобой или без тебя, но я не намерена все три месяца просидеть в четырех стенах, в очередной раз пересматривая «Тома и Джерри», особенно с такими помехами.

Бри тут же сникает. Я уверена, что она не хочет идти, но вынуждена подчиниться. Повернувшись к Кейду, сестра спрашивает:

– А ты, Зануда? Если я иду, то и тебе придется идти.

– Не называй меня «занудой», Прыщавая.

Бабах! Бри тут же взрывается – я не имею в виду ее прыщ.

– У меня всего лишь один несчастный прыщик на лбу! Какая я «прыщавая»?

– Честно говоря, на лбу прыщика у тебя почти не видно, – осторожно произношу я. – Но ты сегодня утром на себя в зеркало смотрела? На щеке у тебя огромный белый угорь.

Она бросается к зеркалу у входной двери и начинает вопить.

– Наверное, виной всему гормоны, – без всякой обиды добавляю я.

– Заткнись! – опять кричит она неприязненно. – Ненавижу это слово!

– Гормоны, гормоны, гормоны, гормоны! – орет Кейд. Я уверена: он даже не понимает, что такое гормоны, но ему весело наблюдать за реакцией сестры. – У Бри прыщи! И гормоны!

За долю секунды ее бледное как мел лицо становится пунцовым.

– Заткнитесь! Ненавижу вас обоих!

– Остынь. Подумаешь – прыщи! Ерунда! У всех они бывают.

– Нет, не ерунда! Думаешь, я пойду на улицу с этой штукой, которая вот-вот лопнет у меня на щеке? А если кто-то из ребят меня увидит? Тошно!

– Значит, ты не идешь?

Бри делает три шага к голубой лестнице:

– Нет. Я точно остаюсь дома.

– Отлично. А ты, Кейд? Хочешь пойти со мной прогуляться? Или будешь ждать, когда прорвет угорь у мисс Прыщавой?

Он поворачивается к телевизору, потом смотрит на Бри и наконец на меня.

– А в какие магазины?

– Разные пляжные магазинчики. И знаешь, неподалеку есть кондитерская.

Это срабатывает.

– Я с тобой.

– Бри? – спрашиваю я еще раз. – Последний шанс. Уверена, что не хочешь идти?

Сестра уже преодолела половину лестницы.

– Идите уже, – отвечает она, не оглядываясь.

Когда я собираюсь выйти из дому, Кейд поднимает руку, как регулировщик:

– Подожди. Ты уверена, что взяла с собой пейджер?

Как мило, что он не забыл! Может быть, младшие братья – это не так уж плохо.

Я похлопываю по переднему карману шорт:

– Всегда со мной. Пейдж, как это ни печально, стал моим новым лучшим другом.

Как изумительно на улице! Как приятно просто вдохнуть свежий воздух, увидеть зеленые холмы на побережье... В каком-то смысле это напоминает вчерашнее ощущение на пляже, когда ропот океана дал мне почувствовать себя такой живой. Когда мы идем по улице, меня вдруг осеняет, что, когда начались все эти проблемы с сердцем, я оказалась запертой в четырех стенах.

Наверное, из-за этого те немногочисленные подруги, которые у меня были, отделились от меня. Потому что я сама отгородилась от них.

Кто знает?

Я знаю одно: очень приятно, когда морской ветерок обдувает лицо, и сейчас, именно в это мгновение, я счастлива.

По всей видимости, Кейд тоже замечает во мне перемену.

– Что с тобой?

– Ты о чем?

– Не знаю. Ты просто улыбаешься.

– Я счастлива. Разве это плохо?

– Нет, наверное. Но неужели от этого меняется походка? Ты как будто... подпрыгиваешь. Странно как-то.

Нет, я была права. Младшие братья сильно раздражают.

Я останавливаюсь, указываю пальцем на дом:

– Если будешь придирааться, Кейд, лучше возвращайся домой. Так получилось, что мне здесь нравится – такое чувство, что я уже сто лет нигде не была, поэтому вольна ходить так, как мне хочется.

– Господи! – восклицает он. – Прости за то, что сказал правду.

Мы продолжаем идти, но уже молча. Тишина позволяет мне сосредоточиться на окрестностях. Вдоль улицы стоят дома, в основном больше и новее нашего и, скорее всего, все – арендованные. Так и живет Кэннон Бич: мало кто обитает здесь круглый год, как моя прабабушка, но многие приезжают на выходные и в отпуск, чтобы насладиться величием побережья Орегона. За некоторыми домами, то тут то там начинают появляться на утреннем ветру воздушные змеи.

Через пять или шесть кварталов от нашего дома перекресток – здесь наша дорога пересекает самую оживленную улицу города. Мы направляемся прямо к длинной череде магазинов, метрах в двухстах на восток. В первом магазине продаются только воздушные змеи

и парашюты; интересно разглядывать все эти модели ярких цветов, но без папиной кредитной карточки я ничего позволить себе не могу. Однако папа сейчас резко ограничивает все траты, чтобы оплатить мои медицинские счета, поэтому я сомневаюсь, что он разрешил бы потратить здесь деньги. Рядом с магазином с воздушными змеями находится пара антикварных лавок, за ними картинная галерея, а дальше магазин одежды, где продаются в основном только купальники.

Наконец мы добираемся до кондитерского магазина. Как только вхожу внутрь, рот наполняется слюной. А носом тут же завладевает смесь сладкого блаженства – гигантские арахисовые плитки, трюфели всевозможных вкусов, печенье «Орео», которое нужно макать в молоко, по меньшей мере пятнадцать разнообразных яблочных цукатов и самый большой выбор сливочной помадки, который мне доводилось видеть.

Как только мои чувства справляются со сладкими запахами, взгляд приковывает еще более «сладкое» зрелище. За прилавком стоит настоящий красавчик.

Не волнуйся, мое хрупкое сердечко!

На нем коричневый фартук, резиновые перчатки и бумажная шапочка, из-под которой выбиваются кудрявые пряди. К сожалению, приглядевшись внимательнее, замечаешь, что у него плутовской вид. Накачанный. А накачанные парни любят спортивных девушек. Я же таковой больше не являюсь. Увы, как раз наоборот.

Я – девушка, у которой проблемы медицинского характера.

Я – девушка, которую спорт может убить.

Я – девушка, которая не может пройти мимо привлекательного парня, но прекрасно понимает, что о нем даже мечтать не стоит, потому что он никогда не заинтересуется такой, как я. И дело не в том, что я не симпатичная, – когда хочу, я могу быть довольно привлекательной. Но давайте говорить откровенно: у меня есть недостатки... внутри и снаружи.

– Привет, – спокойно приветствует он через пару секунд. – Как дела?

Он заговаривает, я теряюсь. Он явно крепкий и спортивный и слишком крутой для такой девушки, как я, но голос у него такой же приятный, как и внешность. Его слова обволакивают, я застываю на месте. Мне удастся лишь выдавить смущенное: «Вы ко мне обращаетесь?» – а потом сипло добавить: «А... здравствуйте».

Разве такому парню может понравиться девушка с недостатками, как у меня?

Я намеренно отвожу взгляд. И дело не в том, что я не хочу на него смотреть. Просто я чувствую неловкость, когда он смотрит на меня. Где-то на подсознательном уровне я боюсь, что он может ее разглядеть.

– Если вы, ребята, ищите хороший шоколад, – продолжает он, – вы пришли по адресу. Мы делаем шоколад прямо здесь, в магазине.

– Делаете шоколад? – удивляется Кейд.

– Ну, не я лично. Но владелец кондитерской с женой приходят часиков в пять. Единственное, чего они не делают вручную, – это ириски, но их каждое утро покупают в одном местечке в Сисайде. – Я чувствую его взгляд, когда подхожу к стеклянной витрине. – Вы откуда?

– Из Портленда, – негромко отвечаю я, не поднимая головы.

– Круто. Я раньше тоже там жил. Пока пару лет назад родители не развелись, после чего мы с мамой переехали сюда.

– Ясно. – Я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы рассмотреть витрину с яблочными цукатами у ближайшей стены.

– Вы на один день приехали или останетесь на недельку погостить?

Поскольку я стою к нему спиной, то предполагаю, что он, должно быть, обращается к Кейду, поэтому несколько секунд игнорирую его вопрос, но Кейд тоже ничего не отвечает. Когда я наконец поворачиваюсь, парень продолжает смотреть прямо на меня!

Единственный выход – разыграть непонимание.

– Ой, вы ко мне обращаетесь?

– А к кому же еще?

– К моему брату.

– Могу и к нему обратиться, – усмехается он и поворачивается к Кейду: – Твоя сестра всегда такая?

Кейд пожимает плечами:

– Только в присутствии парней.

– Кейд! – Я чувствую, как горят щеки.

Парень посмеивается над моей реакцией, но продолжает смотреть на брата.

– Кейд, верно? Ну как, Кейд, что-нибудь пришлось по вкусу?

– Все!

– Понимаю. Может быть, положить в коробку всего по чуть-чуть попробовать?

Или хочешь что-то определенное?

Кейд выбирает один квадратик сливочной помадки с арахисом и два мятных трюфеля.

– Как думаешь, твоя сестра – как, кстати, ее зовут? – она что-нибудь будет брать?

– Ее зовут Энн, – отвечает Кейд, коротко взглянув в мою сторону. Я уверена, что мои щеки до сих пор розовые. – Да, она что-то хочет.

Ох уж этот мерзкий, невоспитанный молокосос! Ухмылка на его лице – и сам тон! – создают впечатление, что это «что-то» не имеет никакого отношения к шоколаду.

Я убью его!

Парень заговорщицки подмигивает Кейду, благодарно кивает ему, а потом вновь поворачивается ко мне:

– Энн, так что же вам положить?

– Я еще не решила, – бормочу я и склоняюсь над витриной.

– Не торопитесь. Пока будете выбирать, мы поболтаем с Кейдом. – Он улыбается и еще раз подмигивает Кейду, как будто эти двое играют в какую-то игру. – В каком ты классе?

– Закончил пятый. Перехожу в среднюю школу.

– Ясно, переводят в высшую лигу. А Энн?

– Она переходит в выпускной класс.

Он улыбается:

– Я тоже. Как долго вы собираетесь пробыть в городе?

Кейд смотрит на меня, как будто пытаюсь найти подсказку, как ответить.

– Как я понимаю, мы будем здесь, пока моя сестра не получит новое...

– Расписание! – восклицаю я. – Пока я не получу новое расписание на следующий год.

Не мудрено, что парень выглядит сбитым с толку.

– А зачем именно здесь ждать расписания на следующий год?

– Ну... я... имею в виду... что первое мне не понравилось, поэтому я попросила составить новое... а пришлют его по этому адресу.

В его взгляде остается сомнение, но он лишь отвечает:

– Ясно.

– Дело в том, – продолжаю я, как будто меня прорвало, – что у нас свой домик на побережье и все такое, но мы точно еще не знаем, где будем жить. Поэтому попросили прислать расписание сюда, а это означает, что, пока расписание не пришлют, мы будем сидеть здесь, потому что не хотим, чтобы письмо потерялось на почте. Как только его получим, тут же вернемся в Портленд. Однако это может произойти и в самом конце лета... может быть.

Его губы расплываются в широкой улыбке.

– Ух ты! Может быть... продолжительный срок. Знаете, если хотите, я могу вам здесь все показать, когда у меня будет выходной. Здесь, в Кэннон Бич, намного интереснее, чем многие полагают, и есть чем заняться.

– Клёво! – восклицает Кейд.

Но я непреклонно качаю головой:

– У нас дел по горло. Уверена, что этим летом у нас не будет времени.

Он кивает:

– Понятно. Но если передумаете, вы знаете, где меня найти. В будние дни я работаю здесь с десяти до четырех, а по субботам – с девяти до часу. В остальное время я совершенно свободен и, вероятнее всего, буду изнывать от скуки.

Он шутит? Неужели он серьезно приглашает меня... нас... это лето провести с ним? Неужели он не понимает, что я не такая, как он? Я не крутая, не спортивная, не идеальная.

– Нам, пожалуй, пора, – отвечаю я. – Можно мне мятную помадку и плитку молочного шоколада? И, наверное, соленую палочку для сестры.

– Разумеется, Энн. – Он собирает наш заказ. – Кстати, меня зовут Тэннер Рич – Богатый.

– Ничего себе! – саркастически восклицаю я. – Повезло вам. Вы богатый. Хотите произвести на меня впечатление?

На секунду Тэннер кажется похожим на оленя в свете автомобильных фар, но потом он начинает смеяться.

Кейд тоже смеется:

– Похоже, это его фамилия, Энн.

Тэннер опять весь сияет:

– Ты полагаешь, я проводил бы все лето, работая здесь, если бы был при деньгах? Попробуем еще раз. «Разумеется, Энн. Кстати, меня зовут Тэннер Рич. Имя – Тэннер, фамилия – Рич».

– Ой! – робко восклицаю я. – Простите, я просто... прошу прощения. – Я достаю бумажник и спрашиваю, сколько должна.

– За счет заведения. Такова политика кондитерской. Новые посетители получают в подарок пять бесплатных образцов товара.

Я тут же пересчитываю наши покупки:

– У нас шесть.

– Ой, верно. Прошу прощения. Первых шесть.

– Вы без шуток отдаете нам все бесплатно? А не влетит?

Он подмигивает:

– Если волнуетесь, в следующий раз, когда заглянете в магазин, купите побольше в знак благодарности.

– А если мы больше не придем?

– Очень жаль. – Он протягивает мне пакет с угощениями. – И не забудьте: если захотите, я с радостью покажу вам город.

Он опять приглашает меня – нас – прогуляться!

– И не забывайте, – упрямо отвечаю я, – у нас большие планы на лето. Мы будем заняты по горло. – С этими словами я разворачиваюсь и, не оглядываясь, покидаю магазин.

По дороге домой я вся киплю. Куда только исчезло ощущение счастья. В очередной раз Кейд замечает, что что-то не так.

– В чем дело?

– А сам как думаешь? Я такая дура.

– Тоже мне новость!

– Заткнись.

– Прости. В чем ты сглупила на этот раз?

Я пытаюсь насупиться, чтобы поугаждать его, но без толку, потому что на самом деле я ничуть не сержусь на него. Я злюсь на себя, исключительно на себя. В отчаянии я достаю свою мятную помадку и откусываю добрую половину. Проглатываю, облизываю губы и отвечаю:

– По-моему, мне просто показалось... что здесь на пляже... я буду чувствовать себя такой живой и здоровой... но потом оказывается, что нет.

– Ясно, – протягивает Кейд, хотя, скорее всего, он понятия не имеет, о чем я говорю.

– А оказалось, что я по-прежнему зануда.

Теперь он понимает.

– В точку. Неудивительно, что ты до сих пор нецелованная.

– Заткнись! – опять шиплю я и пихаю его в плечо, чтобы было неповадно.

– Я маме расскажу!

– Давай, рассказывай! Тебе еще самому влетит за то, что расстроил меня. – Знаю, что нечестно использовать сочувствие родителей против брата с сестрой, но не могу сдержаться.

Он потирает плечо и вздыхает:

– Ты права. Ты на самом деле дура.

Когда мы возвращаемся домой, я тут же бросаюсь вверх по лестнице и плюхаюсь на кровать. Бри хочет узнать, что случилось, но я не отвечаю. И, захлебываясь рыданиями, засыпаю.

Проснувшись, я понимаю, что в комнате совсем одна. Не вставая с койки, смотрю на дверь. Она закрыта, но я вижу свое отражение в большом зеркале, висящем на двери. Раньше я любила зеркала, но теперь вполне могу обходиться без них. И дело не в том, что мне не нужны зеркала, чтобы причесываться и всякое такое, но я терпеть не могу их за честность. Например, когда я переодеваюсь, зеркало жестоко показывает мне больше, чем я хочу видеть.

Я вижу шрамы и ненавижу их за то, что они портят мне жизнь.

Обычно я заставляю себя забыть о своих изъянах, но, когда вижу себя в зеркале, на них невозможно не обращать внимания.

Я уверена: если бы Тэннер увидел меня такой, какой я вижу себя в зеркале, он бы от меня отвернулся. Если бы знал о том, что я жду новое сердце, никогда не предложил бы этим летом прогуляться с ним.

Я несколько минут лежу в постели, продолжая сожалеть о своей тупости в кондитерском магазине. Потом заглядывает Бри, чтобы проверить, как я. Увидев, что я не сплю, сообщает, что идет в ванную. Комната вновь в моем полном распоряжении, я встаю и наплавливаю к зеркалу.

Глупое, отвратительно жестокое, ужасное зеркало в полный рост, на которое невозможно не обращать внимания.

Я запираю дверь, чтобы Кейд не мог вломиться без стука. Потом подтягиваю рубашку к подбородку и в миллионный раз рассматриваю свой мерзкий красный шрам. Провожу по нему пальцем от ключицы до грудины, чувствуя мясистый нарост на коже.

Ненавижу зеркало! Ненавижу все зеркала!

Но больше всего я ненавижу шрамы.

Самое коварное в шрамах то, что они не всегда заметны. Не только потому, что они спрятаны под одеждой, как мои. А потому, что они намного глубже. Они впились в сердце и проникли в душу.

Позже вечером, когда мы сидим в ресторане, мне напоминают, что у моих родителей тоже есть шрамы – они и сами им не рады. Сначала все идет нормально, но потом шрамы в их отношениях начинают зудеть и опухать.

Первое, что я замечаю: мама криво усмехается. Я не очень-то обращаю внимание на их разговор, потому что слишком занята наблюдением за чайкой, которая ныряет вокруг парящих в небе воздушных змеев, но сказанное папой ее совсем не устраивает.

А ее надутые губы и молчание не устраивают отца.

Я тут же вострую уши, когда он произносит:

– Значит, вот как? Ты намерена отмолчаться?

– Делл, мы в ресторане. Я не хочу это здесь обсуждать.

– А что обсуждать? Мы уже несколько недель только об этом и говорим.

– Когда мы сюда приехали, я просто подумала... что ты захочешь остаться. Хотя бы на пару дней.

– Я приеду на выходные, Эмили. Мы оба согласились, что нам не мешает отдохнуть друг от друга.

– Это ты решил.

– Отлично! Если хочешь сделать меня виноватым, давай, вперед! Я больше не намерен с тобой спорить. Когда мы будем порознь, по крайней мере, не будем ругаться. – Он обводит взглядом стол. – Дети, чтобы пресечь все вопросы, отвечаю: нет, мы не разводимся. Нам просто необходимо... побыть немного порознь. И этим летом представляется прекрасная возможность.

Мама смотрит на часы:

– Тогда прямо сейчас садись в машину и уезжай. Лучшего времени для того, чтобы побыть порознь, не найти.

– Это необходимо НАМ обоим, Эмили.

И тут мама начинает плакать. Но не крупными слезами, которые льются от только-только полученной раны, а слезинками, которые наворачиваются на глаза, когда затронешь старый шрам.

– Уезжай, – шепчет она. – Мы доберемся пешком. Здесь рядом. Увидимся на выходных.

Папа швыряет на стол две двадцатки и уходит, не прощаясь.

– Мам, ты как? – спрашиваю я, когда папа уходит.

– Нормально, – негромко отвечает она. – Пошли.

Как я уже говорила, у мамы с папой свои шрамы.

Наверное, у Кейда и Бри есть свои – из-за родительских ссор или из-за того, что последние полтора года они вынуждены возиться со мной.

А у меня?

Я королева шрамов. На груди, на сердце, в душе...

Глава 10

Кейд

Уже поздно. Обычно в такое время я сплю. Но сегодня уехал папа, и мама позволила каждому из нас заниматься своими делами. Сестры наверху. Последний раз, когда я к ним заглядывал, Бри рисовала в своем блокноте, а Энн что-то записывала в дневнике. Наверное, обе уже спят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.